ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Вторник, 5 октября 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 54 (690)

Советские писатели и подготовка к выборам

Десятки миллионов экземпляров Сталинской Конституции и Избирательного закона, выпущенные нашими издательствами, быстро дошли до читателя. Эти брошюры не лежат на книжной полке. Нет, они ходят из рук в руки. Десятки миллионов людей жадно читают и в кружках изучают эти важнейшие документы Сталинской эпохи. Наша цветущая родина переживает сейчас невиданный политический под'ем. Приближаются два крупнейших события: 20-летие Великой социалистической революции и выборы в Верховный Совет СССР. Эти два события есть по сути дела одно неразрывное целое, ибо каждому, кто будет участвовать в выборах, ясно, что только в результате Великой социалистической революции, в результате побед социализма за двадцать лет наша страна смогла установить самую демократическую в мире Конституцию.

Свыше ста миллионов человек будет участвовать в предстоящих выборах. Уже одна эта цифра говорит о гигантском размахе выборной кампании. Вся страна сейчас готовится к выборам. Всенародное изучение Избирательного закона, являющегося плотью от плоти Сталинской Конституции, поднимает к политической жизни новые пласты людей. Готовясь к предстоящим выборам, трудящиеся нашей родины с радостью и гордостью оглядывают пройденный за двадцать лет путь. Нашей родине есть чем гордиться, есть чему радоваться. Нашим пропагандистам и агитаторам, несущим в массы большевистское слово, есть о чем рассказать избирателям. Тысячи и тысячи неоспоримых фактов — живое и яркое свидетельство того, что только советская власть, только партия Ленина—Сталина вели и ведут наш народ к счастью, к радостной жизни.

В подготовке к двадцатилетию Великой социалистической революции и к предстоящим выборам велика и почетна обязанность советского писателя. Советский писатель — передовой гражданин своей страны. Он «инженер человеческих душ». Это высокое звание налагает на писателя гигантскую ответственность перед родиной, перед советской властью, перед партией Ленина—Сталина. Это звание обязывает советского писателя не стоять на месте, а быть в авангарде пропагандистов и агитаторов Избирательного закона, итти в ногу с теми, кто готовит массы трудящихся к выборам — крупнейшему политическому событию в нашей стране за последние годы. Со всех уголков советской земли идут сообщения о той гигантской массовой работе, которую ведут самые различные организации среди избирателей. Но среди потока этих радостных сообщений что-то не видно вестей о том, что же делают писательские организации. Страна не слышит голоса писательской организации, голоса писателей.

В чем дело? А все дело в том, что ССП не организовал и не возглавил этой большой, сложной, но почетной работы. Писатели хотят изучать Избирательный закон с тем, чтобы стать его активнейшими пропагандистами, но они не чувствуют организующей руки союза писателей. Ведь не секрет, что даже в Москве, где сосредоточены крупные писательские силы, до сих пор это важнейшее политическое дело предано самотеку. В союзе советских писателей идут бесплодные споры на «острую» тему: кто должен созывать общемосковское собрание писателей для обсуждения вопроса об их участии в избирательной кампании? Партком или правление ССП? Правление ССП, приняв правильное решение созвать такое собрание, сочло почему-то, что это дело парткома. Партком в свою очередь раз'яснил правлению, что, мол, эта работа должна быть проведена союзом писателей. Спор продолжается, время идет, писатели ждут.

Но ждут не только писатели. Ждут миллионы читателей — советских избирателей. Они хотят услышать голос своего писателя, как они прежде слышали мощный голос Владимира Маяковского, активного и энергичного участника всех политических кампаний, проводимых партией и советской властью. Работа Маяковского, его боевые стихи, выступления указывают всем советским поэтам и писателям путь, по которому они должны пойти, если хотят оправдать свое высокое писательское звание.

Необходимо вспомнить и о боевой творческой деятельности Демьяна Бедного, чьи стихи и песни в годы гражданской войны воодушевляли бойцов Красной Армии. И позднее, в годы социалистического строительства, перо Демьяна, как боевое оружие, метко разило врагов социализма.

Всем известно значение художественного слова. Не об этом сейчас надо говорить. Сейчас надо говорить о том, как практически поставить это художественное слово на вооружение пропагандистов и агитаторов. Здесь у советских поэтов и писателей гигантское поле творческой деятельности. Стихи, песни, частушки, хороший рассказ, живой очерк — все должно быть поставлено на службу большевистской агитации. В этом смысле нельзя не приветствовать обращения поэтов В. Гусева и С. Михалкова, опубликованные в прошлом номере «Литературной газеты». Сегодня мы печатаем ответы поэтов на вызов Гусева и Михалкова. В. Лебедев-Кумач, А. Барто, В. Саянов обязуются немедленно взяться за дело и вносят свои предложения. Прямая обязанность союза писателей и, в частности, секций поэтов и драматургов — подхватить, организовать и возглавить работу поэтов и писателей. К сожалению, указанные выше секции проявляют какую-то непонятную медлительность, неповоротливость.

Голос поэта должен прозвучать громко. Маяковский умел брать любую, казалось бы, незначительную тему, и стихотворение, написанное им, звучало с исключительной силой, будило в читателях новые чувства, звало на новые подвиги, к новым победам.

Маяковский умел показать положительные стороны нашей жизни, ярко, в художественной форме отобразить заботы партии и советской власти о нуждах трудящихся, он умел, разоблачая недостатки, отрицательные стороны нашей жизни, заклеймить метким, надолго запоминающимся словом бюрократа, подхалима, он бил из своего поэтического орудия вредителя, врага, всех тех, кто мешает строить социализм. В свое время Маяковский в стихотворении «Новый кулак» блестяще охарактеризовал этого нового кулака, перекрашивающегося, приспособляющегося к новой обстановке, но продолжающего вредить «тихой сапой». Острое слово поэта должно крепко и без промаха бить по врагам народа — троцкистско-бухаринским агентам фашизма, буржуазным националистам, всем этим гадам, которых народ ненавидит и презирает. Лозунг, стихотворение, песня, рассказ, художественный очерк помогут партии и советской власти в борьбе с врагами, помогут народу повысить свою бдительность, непримиримость к врагам, старающимся сорвать успешную подготовку к выборам. Все враги будут раздавлены. Но мы обязаны помнить о капиталистическом окружении.

Не тешься,
товарищ,
мирными днями,
сдавай
добродушие
в брак.
Товарищи,
помните:
между нами
орудует
классовый враг.

Разве не звучат эти слова Маяковского и сейчас? Разве не зовут они наш советский народ к повышению бдительности?

Не клясться памятью Маяковского, не кичиться тем, что мы, мол, его последователи и единственные наследники, как об этом громогласно заявляют некоторые поэты, а работать так, как работал талантливейший поэт советской эпохи. Советский народ готовится к двадцатилетию Великой социалистической революции и к выборам в Верховный Совет СССР. Вся страна живет подготовкой к этим величайшим событиям. В эту подготовку должны быть немедленно включены писательские организации, каждый писатель, поэт, драматург. Советский народ вправе пред'явить и уже пред'являет свои требования к поэту и писателю. И учитывая это справедливое требование, мы хотели бы напомнить советским поэтам и писателям слова В. Маяковского, сказанные им на одном из собраний читателей в 1930 году: «Мы знаем десятки жгучих и важных проблем сегодняшнего дня. А где поэт? Куда, к чортовой матери, эти поэты запропастились?»

Народные песни о Ленине и Сталине

ЛЕНИНГРАД. (**Наш корр.**). Фольклорная комиссия Института этнографии Академии наук СССР и Государственное музыкальное издательство выпускают сборник «Песни народов Советского Союза о Ленине и Сталине».

В сборник включены песни восемнадцати народов: русского, украинского, грузинского, белорусского, казахского, туркменского и др.

Впервые записаны с музыкой песни о Ленине и Сталине народов Севера — нанайцев, хантов, эвенков. Все песни, записанные специальными экспедициями Института этнографии, приводятся в сборнике на двух языках — на языке народа, создавшего песню, и, в поэтическом переводе, на русском языке.

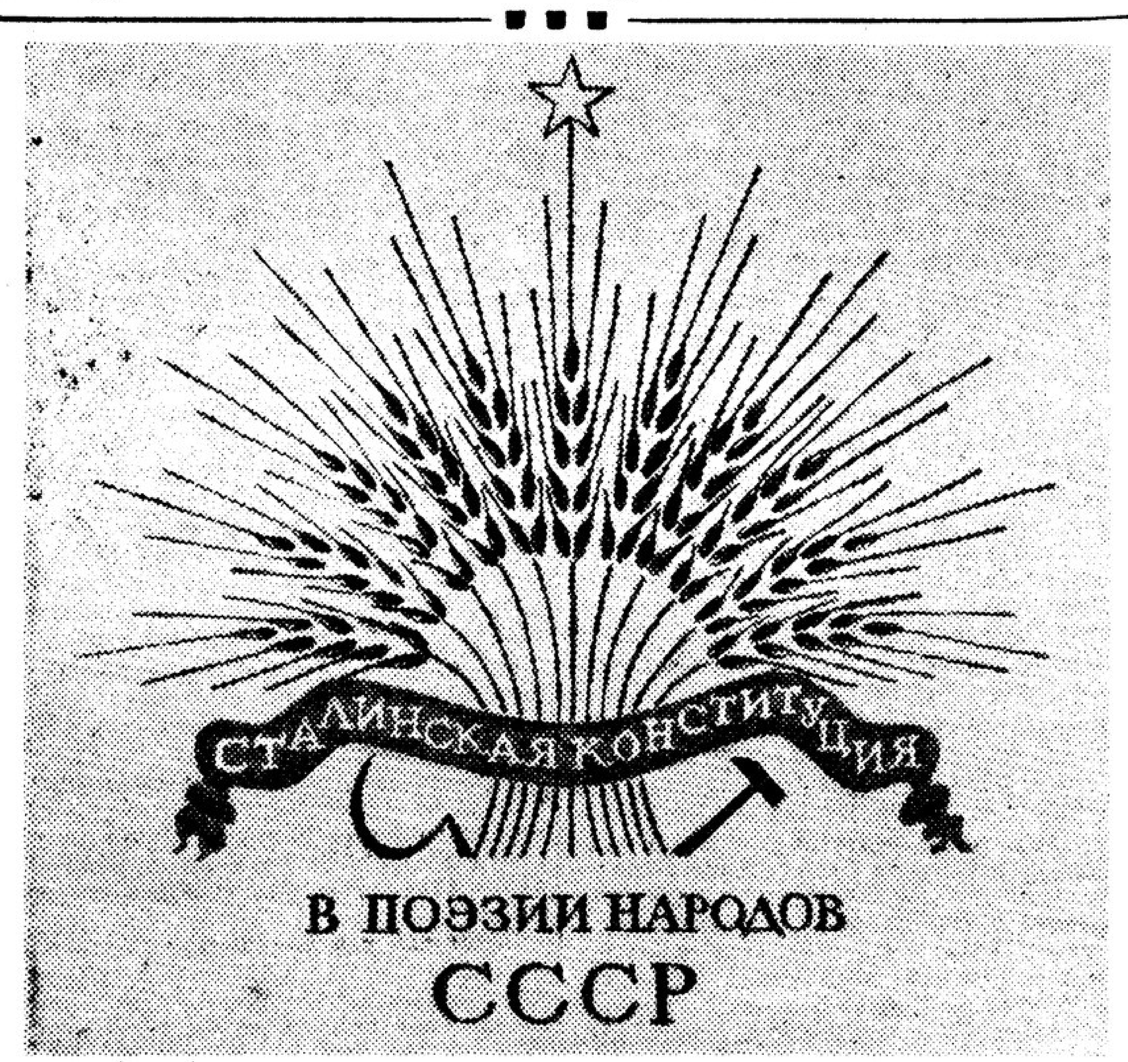

Рисунок обложки, выходящей в издании Гослитиздата к 20-летию Великой Социалистической революции книги «Сталинская Конституция в поэзии народов СССР». **Рисунок работы художника Евгения Когана**

Изогиз выпускает большую серию плакатов-фотомонтажей, посвященную Великой Сталинской Конституции. Каждый из выпускаемых 18 плакатов иллюстрирует отдельные статьи Конституции. Художественное оформление плакатов художника **Перникова**, фотомонтажи **В. Грюнталя**

Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Поменьше призывов, побольше работы!

Творческое участие в предвыборной работе, создание произведений, посвященных выборам в Верховный Совет СССР, — почетный долг каждого советского писателя.

Мне кажется несколько странным писать «призывы» или «вызовы» людям, которые по роду своего оружия должны быть примером политической сознательности и гражданской активности.

Хотелось бы только сказать, что в деле пропаганды Избирательного закона большую пользу могут и должны принести произведения до сих пор еще недостаточно у нас оцененной эстрадной драматургии и так называемых «малых форм» — короткие пьесы, монологи, песни, подписи к плакатам, лозунги, конферансы и даже отдельные «репризы». А для того, чтобы побудить работников этих жанров к плодотворной и высокой по качеству работе, — необходимо, чтобы писательская общественность во главе с ССП признала раз и навсегда, что **искусство малых форм — это большое искусство.**

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

Создать писательский актив при райсовете

В день выхода прошлого номера «Литературной газеты» издательство «Искусство» обратилось ко мне с вопросом: как я собираюсь реагировать на вызов С. Михалкова.

— Писать стихи, — ответила я.

Мы условились о том, что издательство свяжет меня с художниками — авторами предвыборных плакатов.

Но не только в этом я вижу свою задачу, о чем хочу напомнить и товарищам писателям.

Краснопресненский райсовет, в который входят депутаты-писатели, развертывает предвыборную работу.

12 тысяч человек изучают в кружках новый Избирательный закон.

Тысяча пропагандистов работает в районе.

Краснопресненский район разбит на 61 участок, и в настоящее время составляются участковые комиссии из 11 человек каждая. Участковым комиссиям предстоит взять на себя основную работу по предвыборной кампании: вести раз'яснительную работу на предприятиях, выпускать стенновки, многотиражки, бюллетени, вести агитацию за конкретные кандидатуры в Верховный Совет СССР.

В союзе писателей нет депутатской группы.

Необходимо создать актив при Краснопресненском райсовете.

Для участия в этой работе я вызываю: **Л. Леонова, В. Шкловского, Н. Вирта, В. Гусева и Дж. Алтаузена.**

А. БАРТО

Напишем коллективный сборник

Близок день выборов в Верховный Совет СССР. Этот день станет одной из самых замечательных дат человеческой истории, праздником и торжеством величайшей демократии мира. Долг советских поэтов — участвовать в подготовке к выборам, пропагандировать Избирательный закон СССР, агитировать за самых достойных кандидатов, за тех, кто всей жизнью своей доказал беззаветную преданность делу коммунизма, делу Ленина—Сталина.

Поэтическая секция Ленинградского союза писателей должна быстро и оперативно подготовить к печати коллективный сборник о Сталинской Конституции: такая книга очень поможет массовой агитационной работе.

Как я, так и другие ленинградские поэты, с радостью примем участие в работе над этим сборником.

В. САЯНОВ

Ленинград. По телефону

Неудавшаяся попытка

Поэтическая и драматургическая секции ССП СССР сделали попытку провести совместное совещание поэтов и драматургов для того, чтобы выяснить, кто из писателей уже работает над произведениями, посвященными выборам в Верховный Совет СССР, кого из членов секции предстоит вовлечь в предвыборную работу и т. д. Но эту попытку нельзя считать удавшейся.

Бюро секции поэтов ничего не сделало для того, чтобы обеспечить участие большинства московских поэтов в этом политически важном совещании. В результате на него пришло три-четыре поэта. Драматургическая секция была представлена группой эстрадных авторов, уже «законтрактованных» различными организациями.

Драматурги, пишущие для эстрады, информировали собрание о том, что они готовят к выборам в Верховный Совет СССР.

Нужно думать, что в ближайшие же дни и поэтическая и драматургическая секции ССП СССР, наконец, творчески включатся в работу по подготовке выборов в Верховный Совет СССР.

Союз писателей Украины медлит

КИЕВ, 4 октября. (**По телефону от нашего корреспондента**). В то время, как широкие массы трудящихся нашей страны давно с большим политическим под'емом уже изучают новый Избирательный закон, правление ССП Украины только вчера удосужилось поставить на своем заседании вопрос об организации кружков по изучению Сталинской Конституции и Избирательного закона.

Образовано пять кружков. Руководители их — тт. Тардов, Городской, Копыленко, Рыбак и Полянкер. Занятия в кружках начнутся через несколько дней.

Совет жен киевских писателей оказался активнее правления союза: в специальном кружке жены писателей давно уже изучают Сталинскую Конституцию и Положение о выборах в Верховный Совет СССР.

Навстречу 20-летию Великой Социалистической революции

Юбилейные фольклорные издания

К двадцатилетней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Гослитиздат выпускает ряд поэтических сборников, посвященных фольклору и творчеству народных певцов народов СССР.

Значение этих сборников трудно переоценить, в них собраны многие сокровища поэзии, которые до сих пор широкой читательской массе были неизвестны.

Кроме своего художественного значения, эти сборники имеют огромную историко-документальную ценность: в творчестве народных певцов, вообще в фольклоре звучит подлинный, непосредственно выраженный голос народов нашего великого Союза.

Как ни своеобразны поэтические голоса каждого из народов СССР, они сливаются в единый счастливый хор страны, освобожденной от капиталистической эксплоатации и наслаждающейся благами подлинной, сталинской дружбы народов.

Этот хор воспевает социалистическое преобразование нашей родины, поднятой на небывалую высоту культурного под'ема и процветания. Поэзия советских народов проникнута чувствами безграничной любви и преданности партии, ее гениальным вождям Ленину и Сталину.

*

В серии фольклорных изданий наиболее монументальным вкладом в юбилейную литературу явятся издания «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР» и «Сталинская Конституция в поэзии народов СССР».

Первое издание включает два тома стихов, песен, народных сказок и легенд, в которых нашли поэтическое выражение чувства, питаемые советскими народами к гениальным вождям революции.

Другая книга «Сталинская Конституция в поэзии народов СССР» содержит 40 печатных листов. В ней собраны поэтические отклики на Сталинскую Конституцию более двадцати пяти народов, начиная от народов древнейшей культуры и кончая народами, получившими письменность только в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга распадается на три основных раздела: «Творцу Конституции, великому Сталину»; «Сталинская Конституция в поэзии народов СССР» и «Письма народов великому Сталину». Заканчивается она десятью песнями о нашей непобедимой Красной Армии, о ее полководце К. Е. Ворошилове.

*

В ближайшие дни из книг юбилейной фольклорной серии выходят в свет «Песни казахских акынов о Сталине». Книга включает лучшие песни казахского народа, посвященные вождю народов товарищу Сталину.

Наиболее богато в книге представлен маститый акын Казахстана т. Джамбул. Рядом с его творчеством даны произведения других акынов и жиршей Казахстана—Умурзака, Орумбая, Рахима, Араба, Кенена, Тайжана, Маймбета, Бека, Турмагамбета, Сартыгула и Джартыбая.

*

Можно пожалеть только, что Гослитиздат ограничил свою задачу «собирательной» миссией, напечатав все песни в уже существующих переводах, не дав себе труда привлечь в качестве переводчиков самые квалифицированные поэтические силы.

За исключением шести, все остальные 20 произведений, вошедших в книгу, даны в переводе только двух поэтов—К. Алтайского и П. Кузнецова.

Едва ли книга выиграла от такой монополии.

В Театре народного творчества

К дням празднования двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции Московский театр народного творчества готовит две программы, в которых примут участие лучшие художественные коллективы самодеятельного искусства Москвы и Московской области.

Юбилейный концерт художественной самодеятельности, состоящий из двух отделений, будет посвящен героике великого октябрьского переворота и гражданской войны, победоносному социалистическому строительству, советскому патриотизму, родине и сердцу Советского Союза — красной столице Москве.

Этот концерт ставит заслуженный артист республики С. П. Алексеев. Художественное оформление — художника Б. Г. Кноблока.

Над большой ораторией, которой откроется концерт, работает поэт С. Кирсанов.

Речевые хоры и чтецы Москвы выступят с произведениями В. Маяковского — «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», Д. Бедного — «Главная улица», А. Суркова, В. Гусева и др.

Во втором отделении будут представлены лучшие самодеятельные коллективы самых разнообразных жанров. В программе: «Кантата о Сталине» — для хора и оркестра композитора Хачатуряна; «Великий Сталинский закон» и «Песня о Москве» — народного певца Казахстана Джамбула; «Песня о вожде» А. Суркова, «Сердце земли» В. Гусева, «Эх, по Волге, да по каналу» В. Соловьева, музыка Триодина и т. д.

На юбилейном концерте выступят коллективы Центрального дома художественной самодеятельности при ВЦСПС, ансамбли красноармейской песни и пляски, московских предприятий и клубов, драматические, вокальные, музыкальные и хореографические коллективы московской самодеятельности.

Программа второго юбилейного концерта в Театре народного творчества будет исполнена колхозной самодеятельностью. Постановщик и художник этого театрализованного концерта — заслуженный артист республики И. Ю. Шлепянов. Композиторы — Лобачев, Белый и др.

Над сценарием театрализованного концерта, песнями, стихами и текстами работала литературная бригада, состоящая из поэтов В. Гусева, М. Исаковского и А. Суркова.

Первое отделение концерта посвящено вчерашней дореволюционной деревне, нужде и беспросветной жизни подневольного крестьянства. Во втором отделении зрители увидят отражение нашего радостного сегодня, новую зажиточную колхозную жизнь, любовь к родине, дружбу, веселье.

Среди исполнителей концерта — народные игровые хоры, оркестры народных инструментов, плясовые ансамбли, певцы, певицы и чтецы.

М. Горький

Девушка и смерть

Сказка

Глубокой осенью 1892 года А. М. Горький вернулся в родной город Нижний-Новгород, после почти двухлетних странствований «по Руси».

Писатель так рассказывает об этом времени:

«Я обошел Поволжье, Дон, Украину, Крым, Кавказ, пережил неисчислимо много различных впечатлений, приключений»... «...Изнемогал от пестроты и тяжести впечатлений бытия, чувствуя себя богачом, который не знает, куда девать нажитое, и бестолково тратит сокровища, разбрасывая все, что имел, всем, кто желает поднять брошенное»...

Но впечатления приносила не только жизнь, их давали и книги. Горький тогда хорошо знал современную и классическую литературу — русскую и иностранную, им было прочитано не мало книг по политическим, философским и другим вопросам.

«У меня было так много впечатлений, что не писать я не мог» —вспоминает он.

В это время Алексей Максимович был уже автором одного рассказа — в тифлисской газете «Кавказ» 12 (24) сентября 1892 г. был напечатан «Макар Чудра».

Писал Горький и стихи. Еще в 1889 г. он показывал В. Г. Короленко поэму «Песня старого дуба».

В 1892 году А. М. Горький написал сказку в стихах «Девушка и смерть», в основу которой, видимо, легла слышанная им на берегах Дуная румынская сказка. На это предположение наводит подзаголовок «Румынская сказка», поставленный автором при переиздании этой вещи в сборнике «Ералаш». Впоследствии этот подзаголовок был Горьким снят.

Трудно сказать, где была написана сказка — в Нижнем или в Грузии, — в стране, про которую Горький писал: «Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа—именно эти две силы дали мне толчок, который и сделал из бродяги литератора».

Горький послал «Девушку и смерть» в наиболее влиятельную газету Поволжья — в казанский «Волжский вестник», но редактор газеты Н. В. Рейнгардт признал ее нецензурной и в газете не поместил. Сказка была напечатана лишь в 1917 году в газете «Новая жизнь» (№ 82 от 23 июля ст.ст.).

В 1918 году Горький включил ее в сборник своих произведений «Ералаш», вышедший в издательстве «Парус».

Начиная с 1923 года «Девушка и смерть» печатается в собрании сочинений писателя.

Нами перепечатывается текст из первого тома собрания сочинений (Гиз, 1929 г. страницы 50—56). Этот текст несколько отличается от первоначального. Сказка была отредактирована автором в 1923 году.

Появление сказки Горького не было отмечено в печати того времени. Сказка осталась незамеченной и критикой последующих лет. В обширной литературе о великом писателе **нет ни одной работы**, посвященной «Девушке и смерти». Нам думается, что этот пробел следует восполнить.

Сказка «Девушка и смерть» — замечательное произведение гениального мастера слова — должна получить соответствующее освещение в критических статьях и литературоведческих работах.

ГЕН. СМОЛЬЯНИНОВ.

* * *

I

По деревне ехал царь с войны.
Едет — черной злобой сердце точит.
Слышит — за кустами бузины
Девушка хохочет.

Грозно брови рыжие нахмуря,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на девушку, как буря,
И кричит, доспехами звеня:
— «Ты чего,—кричит он зло и грубо,—
Ты чего, девчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты.
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и обиде, —
Каково мне глупый смех твой видеть».

Кофточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:
— «Отойди,— я с милым говорю!
Батюшка, ты, лучше, отойди».

Любишь, так уж тут не до царей,—
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,
Приказал своей покорной свите:
— «Ну-те-ко, в тюрьму девчонку бросьте,—
Или, лучше,—сразу удавите!»
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царевы и вельможи,—
Предали девицу в руки Смерти.

II

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе,—
Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.
Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом—
Хочется пожить побесполезней.
Все, пред неизбежной с нею встречей,
Ощущают только страх нелепый,—
Надоел ей ужас человечий,
Надоели похороны, склепы.
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной и недужной,
Делает она его умело,—
Люди же считают Смерть ненужной,
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.

Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем,
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаною!

III

Девушка стоит пред Смертью, смело
Грозного удара ожидая.
Смерть бормочет, — жертву пожалела:
— «Ишь ты, ведь, какая молодая!
Что ты нагрубила там царю?
Я тебя за это уморю!»
— «Не сердись,— ответила девица, —
За што на меня тебе сердиться?
Целовал меня впервые милый
Под кустом зеленой бузины,—
До царя ли мне в ту пору было?
Ну, а царь, на грех, бежит с войны.
Я и говорю ему, царю,
Отойди, мол, батюшка, отсюда!
Хорошо, как будто, говорю,
А — гляди-ко, вышло-то как худо!
Что ж?! От Смерти некуда деваться,
Видно, я умру, не долюбя.
Смертушка! Душой прошу тебя—
Дай ты мне еще поцеловаться!»

Странны были Смерти речи эти,—
Смерть об этом никогда не просят!

Думает: «Чем буду жить на свете,
Если люди целоваться бросят?»

И на вешнем солнце кости грея,
Смерть сказала, подманив змею:

— «Ну, ступай, целуйся, да—скорее!
Ночь — твоя, а на заре — убью!»
И на камень села, — ожидает,
А змея ей жалом косу лижет.
Девушка от счастия рыдает,
Смерть ворчит: «Иди, скорей, иди же!»

IV

Вешним солнцем ласково согрета,
Смерть разула стоптанные лапти,
Прилегла на камень и уснула.
Нехороший сон приснился Смерти!
Будто бы ее родитель, Каин,
С правнуком своим — Искариотом,
Дряхленькие оба, лезут в гору,—
Точно две змеи ползут тихонько.
— «Господи!» — угрюмо стонет Каин,
Глядя в небо тусклыми глазами.
— «Господи!»—взывает злой Иуда,
От земли очей не поднимая.
Над горою, в облаке румяном
Возлежит господь,—читает книгу;
Звездами написана та книга,
Млечный путь — один ее листочек.
На верху горы стоит архангел,
Сноп молний в белой руке держит.
Говорит он путникам сурово:
— «Прочь идите! Вас господь не примет!»
— «Михаиле!—жалуется Каин,—
Знаю я—велик мой грех пред миром!
Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой Смерти!»
— «Михаиле!—говорит Иуда,—
Знаю, что я Каина грешнее,
Потому что предал подлой Смерти
Светлое, как солнце, божье сердце!»
И взывают оба они, в голос:
— «Михаиле! Пусть господь хоть слово
Скажет нам, хоть только пожалеет—
Ведь прощенья мы уже не молим!»
Тихо отвечает им архангел:
— «Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,
В третий раз, качнув главою, молвил:
— Знай,—доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.
Пусть их тот простит, чья сила может
Побороть навеки силу Смерти».
Тут Братоубийца и Предатель
Горестно завыли, зарыдали
И, обнявшись, оба покатились
В смрадное болото под горою.
А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти.
И плюют на Каина с Иудой
Синими, болотными огнями.

V

Смерть проснулась около полудня,
Смотрит,—а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь, ты, блудня!
Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любуется, как солнце
Золотит своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела
Тихо и гнусаво, как умела:
— «Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
«Со святыми упокой!»
Не пойму я ничего!—
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет — и его
С той же песенкой хоронят!
Честный помер или вор —
С одинаковой тоской
Распевает грустный хор:
«Со святыми упокой!»
Дурака, скота иль хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:
«Со святыми упокой!»

VI

Спела песню—начинает злиться,
Уж прошло гораздо больше суток,
А—не возвращается девица.
Это — плохо. Смерти — не до шуток.
Становясь все злее и жесточе,
Смерть обула лапти и онучи
И, едва дождавшись лунной ночи,
В путь идет, грозней осенней тучи.

Час прошла и видит: в перелеске,
Под росистой молодой орешней
На траве атласной, в лунном блеске
Девушка сидит богиней вешней.

Как земля гола весною ранней,
Грудь ее обнажена бесстыдно,
И на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,
И — как звезды — кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный путь,
На тропу синеволосой ночи.

Под глазами голубые тени,
Точно рана — губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.

Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.
— «Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?»

Точно небом—лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей девица смело:

— «Погоди-ка, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу,
А его —подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала—до Смерти не далеко.
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он—хорош! Ты погляди
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди,
Вишь, цветут, как огненные маки!»
Смерть, стыдясь, тихонько засмеялась:
— «Да, ты будто с солнцем целовалась
Но,—ведь у меня ты не одна,—
Тысячи я убивать должна!
Я ведь честно времени служу,
Дела—много, а уж я — стара,
Каждою минутой дорожу,
Собирайся, девушка, пора!»
Девушка — свое:
— «Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет,
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред Сульбой,
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя — собою радость рада,
И любовь любуется собой».
Смерть молчит задумчиво и строго,
Видит—не прервать ей этой песни!
Краше солнца—нету в мире бога,
Нет огня—огня любви чудесней!

VII

Смерть молчит, а девушкины речи
Зависти огнем ей кости плавят,
В жар и холод властно ее мечут,
Что же сердце Смерти миру явит?
Смерть, — не мать, но — женщина, и в ней,
Сердце тоже разума сильней;
В темном сердце Смерти есть ростки
Жалости и гнева и тоски.
Тем, кого она полюбит крепче,
Кто ужален в душу злой тоскою,
Как она любовно ночью шепчет
О великой радости покоя!
— «Что ж, — сказала Смерть,—пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!»

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Тащится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде на свадьбе и на тризне
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

Самые популярные

К двадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Музыкальное издательство выпускает массовыми тиражами наиболее популярные песни советских композиторов и поэтов.

Уже вышли песни композитора И. Дунаевского: «Песня о родине» и «Спортивный марш» — тиражом по 600 тысяч экз., «Спой нам, ветер» (400 тысяч экз.), «Песня о капитане» — 250 тысяч экз., написанные на слова поэта В. Лебедева-Кумача, и «Каховка» (текст М. Светлова) тиражом в 300 тысяч экз.

Тиражом в 200 тысяч экз. вышла «Партизанская» в обработке композитора А. В. Александрова.

Песня Д. Д. Покрас — «Песня о Сталине» (на слова поэта М. Исаковского) выпущена тиражом в 200 тысяч экз. и его же «Конармейская» (на текст А. Суркова) —400 тысяч экз.

Из песен композитора М. Блантера напечатаны «Партизан Железняк» (слова М. Голодного) и «Молодость» (текст Ю. Данцигера и Д. Долева), вышедшие тиражом по 200 тысяч экз.

Такими же тиражами выпущены: «Песня о Сталине» композиторов Л. Ревуцкого (слова М. Рыльского) и Ф. Сабо (текст М. Инюшкина), «Песня о Ворошилове»— Ф. Сабо, «Все выше»— Д. Хайта (слова П. Германа), «Орленок»—В. Белого (текст Я. Шведова), песня «От края и до края» из оперы «Тихий Дон» — И. Дзержинского, «Строевая» — Л. Книппера.

Кроме того двумя выпусками вышли сборники массовых песен.

Музыкальное издательство выпускает к двадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции сборник массовых революционных песен, напечатанный на русском, французском, английском и немецком языках. В этом сборнике будет опубликовано около 20 песен.

Ф. КЕЛЬИН

Письма из Испании

Максимилиано Альварес-Суарес и возрождение романа в Испании

Астурия — героическая Красная Астурия — сейчас опять стоит в центре всеобщего внимания. Вот уже несколько недель, как она мужественно отбивает натиск врага: каждое село, каждый холм, который он занимает, достается ему ценою тяжелых жертв и усилий. Давно ли генерал Франко и его иностранные хозяева хвастались, что они завоюют Астурию в два—три дня. Теперь им приходится говорить об «ожесточенном сопротивлении красных», о тех трудностях, на которые натолкнулось их наступление.

Астурия всегда была богата крепкими, мужественными людьми. Из Астурии вышел первый революционный роман Испании «Кроты». Повесть «Горы» Исидоро Асеведо. Астурия и сейчас создала своего замечательного писателя. Это писатель революционной эпохи, т. е. одновременно и боец и художник. Его книга — результат упорной и длительной борьбы. Она родилась среди кровавых боев, обдумывалась в долгие часы вынужденных скитаний по астурийским горам, была оформлена в политической эмиграции. Автор по праву мог ее назвать «Кровью Октября». В этой книге — кровь революционных бойцов Красной Астурии.

Максимилиано Альварес-Суарес.

Жизнь ее автора — Максимилиано Альварес-Суареса — может послужить яркой характеристикой той среды, откуда выходят сейчас революционные писатели Испании.

Он родился в деревушке Теверга, в центральной части астурийского угольного района, в 1902 г. Отец его — школьный учитель старого типа. Семья была большая, весь заработок отца определялся ничтожной суммой в 50 дуро в год.

Учиться Максимилиано так и не пришлось. Ходил в школу до 12 лет, но потом вынужден был ее оставить. Сперва поступил в аптеку, но так как хозяин зверски его бил, сбежал домой. Здесь нанялся к кулаку в «криадо-де-лабрансо», т. е. в пастухи. Пятнадцати лет в первый раз спустился в шахту в качестве откатчика. В шахтах проработал 11 лет.

Это было тяжелое для Астурии и для всей Испании время: у власти стоял диктатор Примо-де-Ривера. Испания задыхалась под гнетом военного режима. То здесь, то там вспыхивали восстания. В 1926—1927 гг. волна стачек прокатилась по всему угольному району. Альварес-Суарес, вступивший в 1923 году в ряды компартии Испании, был активным участником этого движения. Временное поражение шахтеров привело его в конце 1926 г. в тюрьму, сначала в Овьедо, затем в Мьерес. В 1927 г. ему удалось бежать в Мадрид, где он прожил некоторое время нелегально в доме у своего брата. Полиция его разыскивала как опасного «преступника».

После переворота 1931 г. Альварес-Суарес получил возможность вернуться в Астурию. Но хозяева шахт не хотели брать его на работу. Наконец, ему удалось наняться «пеоном» на постройку шоссе. Но и эта работа продолжалась недолго. Он был снова уволен. В поисках работы он передвинулся на запад Астурии, в так называемую «морскую полосу».

«Я работал день здесь, день там», вспоминает об этом времени Альварес-Суарес. «Был грузчиком в порту, голодал. В 1933 г. «анархо-фашисты» спровоцировали в Астурии «путч». Полиция этим воспользовалась, чтобы арестовать коммунистов. Попал в тюрьму и я. Меня судили за распространение партийной литературы. Я был приговорен к заключению. Вышел на волю накануне октябрьских дней...».

В октябре 1934 г. Альварес-Суарес храбро сражается в рядах рабочих дружин в Авилесе, Трубии, Овьедо. После разгрома движения он уходит с одним из отрядов в горы: в горах уже выпал снег. 3—4 месяца бродит он с места на место, отстреливается от погони, ночует в пещерах. Наконец, положение становится нестерпимым. Он решает спуститься в одну из деревень. Но и здесь ему приходится пробыть недолго. Гражданская гвардия его выслеживает. Предупрежденный крестьянами, он успевает бежать в Мадрид, а оттуда во Францию. В Париже он живет жизнью испанского эмигранта, постоянно преследуемого полицией Лаваля. В Париже он пишет свою «Кровь Октября. Братья пролетарии, об'единяйтесь».

На мой вопрос — писал ли он раньше, Альварес-Суарес ответил отрицательно. Правда, он до этого довольно много писал для партийной и профсоюзной прессы. Но «Кровь Октября» — его первая художественная книга.

Я спрашиваю Максимилиано, как ему пришла мысль написать ее.

«Мне было очень грустно и одиноко жить в эмиграции, — отвечает он. — Я подумал — почему бы мне не рассказать обо всем мною пережитом в октябрьские дни. Образы и воспоминания были так ярки и свежи, что невольно просились на бумагу. Я сел и стал писать. Было это в конце 1935 г.».

«Я сам долго не верил в свою книгу. Когда с победой народного фронта в Испании мне снова удалось вернуться в Мадрид, я решил попытать счастья. Но я прежде всего — партиец. Поэтому я обратился за советом в партийный комитет. Мне дали «направление». Я пошел с ним в издательство «Зенит». Там к книге моей сперва отнеслись недоверчиво. Я, как автор, был совершенно неизвестен. Об Астурии уже имелся ряд книг: «Так произошла революция» Мануэля Д. Бенавидеса, «Астурия» Вальдеса и др. Меня попросили оставить рукопись, зайти на-днях. Как я узнал потом, мою книгу отдали на просмотр Арконаде. Когда я зашел через неделю, мне предложили подписать договор. А через несколько недель первое издание книги уже разошлось. О ней писали статьи, в честь ее устроили даже банкет. Апрель 1936 г., когда вышла в свет моя книга, был самым счастливым временем в моей жизни...»

«Мой первый успех меня окрылил. Я собирался засесть за другую книгу, в которой хотел рассказать о своем детстве и юношеских годах борьбы... Но тут началась гражданская война».

«С первых же дней ее я ушел на фронт. Вместе с группой революционной молодежи я штурмовал казармы Ля Монтанья в Мадриде. Потом был направлен на Сомосьеррский фронт. Здесь в бою с противником сломал себе руку. Недели тяжелого лечения. Бои на Хараме — партии нужны надежные люди. Вместе с ударными частями я ликвидировал прорыв. Сейчас я состою комиссаром одного из батальонов в 69 бригаде Дурана...»

«Боевая работа не отбила у меня охоты писать. Все свободное время я посвящаю своему новому роману. Сюжет его мною взят из военной хроники первых месяцев войны, от начала мятежа и до ноябрьских дней в Мадриде. Таким образом в центре моего романа стоят события на мадридском фронте. Роману я хочу придать автобиографическую форму. Повторяю, я имею в виду не репортаж, а именно роман...»

«Другое мое горячее желание, — это написать большую хорошую книгу о Советском Союзе, нашей второй родине».

*

Интерес к художественной прозе и в частности к роману все с большей силой охватывает сейчас литературные круги народной Испании. Мне уже приходилось писать о большой повести Альберти «Остров Ибиса», о «Ручной гранате» Чаваса и о книге Хосе Эррера Петере «С пятым полком». Как мы видим, над романом сейчас работает и Альварес-Суарес. К этим именам можно прибавить имя писателя, молчавшего в течение последних лет,—Хоакина Ардериуса. Он недавно познакомил меня со своими литературными планами. Ардериус пишет сейчас драму «Хлеб», действие которой развертывается в Мурсии, среди крестьян. Ведущей темой ее является любовь, показанная на фоне революционных событий нашего времени.

Ардериус хочет в своей драме изобразить пробуждение испанского крестьянства для новой жизни. Но рядом с этим он работает и над двумя романами, ставящими своей задачей показать распад мелкобуржуазной испанской семьи. События в первом романе, пока не имеющем заглавия, начинаются еще до революционного движения, во времена диктаторства Примо-де-Риверы. Приблизительная их дата — 1926 г. Место действия романа — сперва Мадрид, а затем Мурсия и снова Мадрид. Рассказ доводится до военно-фашистского мятежа, т. е. до 19 июля 1936 г.

Второй роман — история той же семьи во время гражданской войны.

Таким образом, как мы видим, в своем романе, которому в драме соответствует заканчиваемая Альберти пьеса «На переломе», Ардериус переходит к циклической форме. Тема уже настолько разрослась, что не умещается в пределах одной книги. Автор хочет осмыслить прошлое своих героев. Он не просто показывает их в действии, а рисует ход их духовного развития, устанавливает отдельные его этапы. Это несомненный шаг вперед по сравнению с романом-репортажем.

Перед испанской художественной прозой сейчас открываются блестящие возможности. Если первый период гражданской войны в Испании сопровождался расцветом одного из жанров староиспанской народной поэзии, так называемого романса, то второй период является по существу эпохой возрождения в Испании повести и романа, к которым обращаются сейчас даже поэты («Остров Ибиса» Альберти). Гражданская война выковала группу писателей-романистов. Дело, начатое Сендером и Арконадой, нашло своих продолжателей среди испанских писателей старшего и младшего поколений. Гражданская война, как и в других областях жизни, послужила мощным толчком, ускорившим процесс возрождения испанского романа,—романа Сервантеса, Гальдоса и Валье-Инклана.

Валенсия, сентябрь 1937 г.

ВУЗ или институт писательской доквалификации?

На секретариате ССП

Чем должен быть Литературный институт союза советских писателей — литературным вузом или институтом писательской доквалификации?

Вопрос этот явился «гвоздем» состоявшегося 2 октября на секретариате ССП обсуждения дальнейшей работы вечернего литературного института им. А. М. Горького.

Представители руководства института более склонялись к первому варианту. Вот, например, какой гутаперчевой формулой ответил заведующий учебной частью института и временно исполняющий обязанности его директора т. Сидорин на вопрос о профиле института:

— Работник художественной литературы.

Задачей института т. Сидорин считает, во-первых,—дать высшее литературное образование, во-вторых,—способствовать творческому росту слушателей института. Насколько первой задаче в институте придается гораздо более универсальное значение, нежели второй, доказывает то обстоятельство, что только небольшая часть слушателей образует в институте так называемое литературное об'единение.

Да и по своему удельному весу в общем бюджете учебного времени фактическая творческая помощь слушателям представляется весьма сомнительной. По расчетам Сидорина, творческая консультация составляет не более восьми часов на одного слушателя в год.

Руководитель творческой кафедры института т. Исбах признает необходимым в дальнейшем еще более академизировать учебный профиль института. Один из преподавателей института т. Бровман весьма образно говорил о «кухне» института: писатель—это, дескать, пирожное, особый деликатес, а насущный хлеб—это высшее литературное образование. На этом основании т. Бровман требовал полного уравнения в правах литинститута со всеми другими высшими литературными учебными заведениями, внесения его в соответствующие титульные списки, выдачи слушателям по окончании курса особых дипломов и т. п.

Но характерно, что вопреки своим чисто академическим тенденциям, и т. Сидорин, и т. Исбах, желая доказать, что институт себя оправдал, апеллировали отнюдь не к академической успеваемости учащихся, а опять, и опять называли имена отдельных одаренных молодых писателей, вышедших из института или являющихся его слушателями. Это были по преимуществу имена поэтов — Долматовского, Алигер и др. — из первого выпуска института — и нынешних слушателей — Симонова, Попова, Яшина, Высоцкого, Бориса Лебедева и др.

Академические тенденции в институте получили преобладание потому, что в первые годы существования института прием производился вне каких-либо установленных критериев. Состав учащихся отличается крайней пестротой не только в отношении творческой квалификации, но и элементарной учебной подготовки.

Центральным звеном Литературного института является его заочная сеть, задачей которой является организация творческой помощи писателям периферии. В настоящее время соотношение между очной и заочной частью института не в пользу последней. Заочная сеть охватывает всего 215 слушателей, из которых только 30 человек являются членами и кандидатами союза. Большинство числится на первом курсе, на втором курсе—82 человека, а на третьем курсе—16 человек.

Внутренние недочеты Литературного института особенно резко и болезненно отражаются на заочной сети. Состояние учебных програм и планов в Литературном институте таково, что заочная сеть не в состоянии была предложить своим слушателям програм ни по общественным дисциплинам, ни по теории литературы. Пришлось ограничиться лишь указанием литературы.

Плохо обстоит дело с рецензированием академических и писательских работ заочников. Рецензентами большей частью выступают студенты института.

Тов. Ставский правильно отметил, что выступившие на секретариате слушатели института не использовали предоставленной им трибуны для того, чтобы вскрыть все недочеты его учебной жизни. Но все же эти выступления отдельными штрихами довольно выпукло обрисовали внутреннюю жизнь института. Они показали, что **институт нуждается**, как в воздухе, **в общественном контроле** и в **укреплении его преподавательских кадров.**

Преподаватели общеобразовательных дисциплин далеко не всегда на должной высоте. Но, пожалуй, еще менее благополучны положение и работа творческой кафедры. Слушатели института указывают, что творческой кафедры, как целого, фактически не существует. Она распадается на отдельные семинары и семинарчики. Идейно-воспитательная работа семинаров крайне слаба, есть руководители отдельных семинаров, как, например, Дукор, Добранов, которые ограничиваются исключительно формальным анализом произведений слушателей, не вникая в их идейно-политическое содержание.

Сам руководитель творческой кафедры т. Исбах на одном из семинаров рекомендовал свои собственные произведения как образец построения сюжета. Определенной системы в семинарах не существует — от случайной консультации они переходят к систематическим курсам лекций, или — от курса лекций к консультации.

Всеволод Иванов в своем выступлении на секретариате выразил уверенность, что писательская общественность сумеет выковать профиль Литературного института. Институт не должен копировать литературные вузы, его задача заключается в подготовке писателя, притом писателя, умеющего правильно видеть мир. А для этого необходимо организовать **правильный отбор слушателей**, ориентируясь на людей, творчески одаренных.

Совершенно недопустимо, — говорит Вс. Иванов,—что журнал «Литературная учеба» не принимает никакого участия в работе института. Этот журнал должен был стать авторитетной инстанцией для оценки работ учащихся института.

Тов. Ставский присоединился к определению профиля института, сделанному Вс. Ивановым, и указал, что правлением приняты меры к разработке програм и учебных планов для института.

Секретариат обязал все секторы ССП установить контакт с Литературным институтом, а также констатировал, что «Литературная учеба» не выполнила своевременно данного ей указания об установлении систематической связи с Литературным институтом.

Секретариат подчеркнул важнейшее значение заочной сети Литературного института, указав на недостаточность месячной проверочной сессии для заочников в течение года. Ее должно продлить до двух-трех месяцев, а для наиболее одаренных слушателей—и на более длительный срок.

Секретариат признал необходимым принять меры к привлечению писателей для работы в институте и упорядочить условия приема.

Вопреки предложению ревизионной комиссии об организации нового приема в текущем году, секретариат решил отложить прием до 1938—39 учебного года, но с тем, чтобы немедленно приступить к его подготовке.

Констатировав ряд допущенных директоратом института в 1936—37 году нарушений бюджетной и сметной дисциплины, секретариат принял предложенные ревизионной комиссией мероприятия.

Б. ЛИТОВ

Писатели к 20-летию Великой социалистической революции

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

«Хлеб»

«Здравствуйте, Агриппина Кондратьевна, как вы живы-здоровы, часто о вас вспоминаю. Думал увидеться с вами раньше, но произошла задержка. Теперь все обошлось,—рана на моей голове заживает и ребра срослись. В селе Константиновке нас, весь отряд, убили кулаки, — ночью в сарае зарубили топорами. Один я остался жив и дивлюсь этому до сих пор,—какая мне бабка ворожила. А вернее, что очень не хотелось умирать. Меня отвезли в Мюллерово, в лазарет—в Константиновке я просил не оставлять, кулаки бы меня там—исхитрились—все равно бы добили... Жалко товарищей: были смелые, преданные люди, — еще таких не найдешь. Очень хорошие были люди и погибли зверски. Виню первого себя в ослаблении бдительности... Теперь,—поправлюсь, — мы с константиновскими кулачками поговорим сурьезно. До свиданья, Агриппина Кондратьевна. В лазарете делать нечего, — все думаю о вас, извините меня... Кланяюсь вам, Иван Гора...»

Алешка поднял глаза. Агриппина сидела, опустив веки, губы у нее были синие, и лицо посинело. Алешка испугался, осторожно положил ей на колени письмо и конверт с марками, потихоньку выбрался из вишенника и на улице опять припустил, закидывая волосы: ему казалось, что он — конь, он даже про себя повторял: «И-го-го».

Около тополей, где были привязаны лошади, угрюмо стоял Андрей Косолапов и Вахрамей Ляпичев—фронтовики.

Тяжело хлопнув калиткой, к ним вышел третий... (Алеша про себя сказал: «Тпру», топнув пятками, остановился—поглядеть). Третий был Аникей Борисович,—шел повиливаясь могучими покатными плечами, как медведь,—круглолицый, медный, заросший закудрявившейся щетиной.

— Ну и власть у вас, казаки,—густо, как колокольная медь, сказал Аникей Борисович,—только и ждут вас продать.—Он отвязал лошаденку, пригнувшуюся, когда сел на нее. Фронтовики тоже отвязали коней, сели.

— Теперь, казаки, айда по хуторам.

Все трое тронули рысью. Алешка глядел, как под копытами завилась пыль. Андрея Косолапова веселый конь, сбиваясь на скок, все норовил теснить задом лошаденку Аникея Борисовича. Казаки завернули за угол. По улице торопливо шла Агриппина, полоща по коленкам линялой ситцевой юбкой.

— Алеша,—позвала она, задыхаясь.—Куда же ты?—Схватила его за плечо.—Почитай еще... Там может еще сказано...—и, натянувшись, глядела на него матовыми зрачками.

— Нет, я все прочел, Гапка...

— Потрудись, прочти сначала...

Из-за речки Чир донеслись отдаленные выстрелы. Снова раздался конский топот. Из-за угла опять показались Косолапов и Вахрамей Ляпичев, — они, как бешеные, промчались по улице к Совету. Через минуту проскакал и Аникей Борисович, не сворачивая, прямо по дороге, что ведет по-над Доном в сторону станицы Пятиизбянской.

. . . .

Агриппина проводила до степановой хаты Аленку и Марью, убежавшую без памяти из Совета, кинулась искать маленького,—худая голенастая собака озабоченно повела ее в огород, где Мишка, испугавшись выстрелов, плакал под вишней.

Прибежал и Степан Гора с поля. Запер двери в сени, сел сбоку окошка, — так, чтобы видеть улицу:

— Суворовские, — сказал он, — сурьезные казаки. Две, а то три сотни налетело... И ведь — белым днем... Значит была у них здесь рука...

По станице хлестали выстрелы. Улица была мертвая. Вдруг по улице понесся, помогая себе крыльями, петух. Степан наморщил лоб. Марья—заботливо—ему:

— Отошел бы ты от окошка, Степан.

Вслед за обезумевшим петухом промелькнул мимо окна верхоконный,—пригнулся к гриве стелющегося коня. Раздались выстрелы,—близко, будто за углом дома. Мишка кинулся в мамкины колени. Агриппина, стоявшая у печки, сказала:

— Уйдет. Это Петька Востродымов, секретарь ревкома... Конь у него добрый...

Десять бородатых казаков, с лампасами на штанах, с погонами на узких черных мундирах, проскакали вслед, высоко стоя в седлах, неуклюже и тяжело махая шашками...

— Суворовские снохачи,—опять сказала Агриппина.—Курощупы.

Степан усмехнулся, качнул головой:

— Держись теперь,—начнут пороть хохлов...

Алешка не испугался ни выстрелов, ни всадников с шашками, но когда Степан выговорил: «Начнут пороть хохлов»,—у Алешки затошнило подложечкой, он подошел к Агриппине, прижался к ее каменному бедру.

Улица оживала. Хлопали калитки, выходили за ворота пожилые казаки, переговаривались, не отходя все же далеко от ворот. Наискосок степановой хаты вышел Иона Негодин—в полной форме, при шашке. Воротник давил ему шею, сухая кудреватая борода отдавала вороньим блеском.

. . . .

Возвращаясь пеший с казачьего собрания, Иона Негодин вдруг остановился у степановой хаты, подошел и, вплоть прижимаясь бородой и носом к стеклу, глядел, прищуриваясь. Степан отворил окошко:

— Заходи, Иона Ларионович, что ж ты так-то...

Не отвечая, Иона всунул в окошко всю голову:

— Гапка здесь?.. Здесь Гапка?.. И днем она здесь и ночью она здесь...

— С маленьким все возится,—примирительно сказал Степан.

— За эту работу я ей жалованье плачу, я ее кормлю, я ее мою? Это какой обычай, казацкий или хохлацкий?

— Хохлацкий!—громко сказала Агриппина. Хлопнув дверью, вышла. Иона глядел ей в спину, когда Гапка наискосок переходила улицу. Опять влез головой в окно...

— Ты девку учишь так отвечать? Еще увижу у тебя ее на дворе—горло перекушу, мать твою!..

Иона скрипнул зубами, выпятив губы. От него пахло водкой.

— Запомнил?

— Пойди с богом, Иона Ларионович...

— А эта...—Иона перекатил глаза, налитые злобным озорством, на Марью, сидящую у печи. — Питерская!.. Как тебе, — жена, любовница? Как нам понимать?

Марья раскрыла рот,—ахнула. Степан нахмурился:

— Напрасно набиваешься на шум, Иона Ларионович, не хочу я с тобой драться...

Иона обрадовался, закинулся, захохотав. Опять всунулся в окно по плечи:

— Коммунистка! Не укроешь, Степан, ничего из твоего дела не выйдет... Ух ты, стерва! (Опять выпятил бороду). — Агитпроп...

И он быстро увернулся, выдернул из окна голову, когда Степан махнул кулаком. Оправив ременный поясок, угрожая, проговорил:

— Готовь на завтра коня—мобилизация.

. . . .

Агриппина сводила коней на Чир, напоила коров, загнала кур в плетеный, обмазанный глиной курятник, принесла ведер тридцать воды на огород, натаскала свежей травы и не знала, чем бы еще заняться, только не итти в хату, где Иона, не зажигая огня, сидел за столом, курил папиросы (подарок Мамонтова казакам)... Хотя уже плохо было видно,—сумерки,—Агриппина отворила двери сарая, сняла с деревянного гвоздя рваный хомут и села на пороге чинить его.

Низко нагибаясь, она протыкала длинным шилом кожу, зажав хомут сильными коленями, тянула дратву. Две летучих мыши появились в тускнеющей заре, закружились—все ниже и ниже—над головой Агриппины.

— Кому теперь жаловаться? У кого искать защиты? Брат Миколай — далеко на фронте. Была бы еще казачкой—все-таки постыдились бы. Хохлушка, девка, сирота—легкая добыча?.. Станичников, да еще таких, как Иона, она знала: теперь от них ногтями, зубами не отобьешься... Убежать? Куда бежать из родной станицы.

Подняв голову, Агриппина с тоской глядела на зарю, меркнущую за вишневыми сучьями. Мыши мягко взмыли, кружились выше над ее головой.

Она вспомнила, беззвучно шевеля губами, от слова до слова письмо Ивана Горы. Тайно уехать к нему в Мюллерово? Сурово спросит: зачем прибежала? За седлом тебя, скажет, таскать неумелую, глупую, слабую? Нет, скажет, Гапа, понадобишься—сам позову. Ведь не пожалуешься, что убежала от дикого девичьего страха, глядя сегодня на багровые казачьи затылки, что подкосились ноги: почувствовала себя ярочкой среди волков.

Агриппина, не моргая, всматривалась в сумерки, крепче сжимала колени, когда за воротами раздавался озорной топот подкованных сапог, хмельные крепкие казачьи голоса. И совсем обмерла от внезапного шороха листвы: кошка спрыгнула с забора в вишенник...

В хате рванули дверь, на двор вышел Иона—в одной рубашке, заправленной в штаны с лампасами. Расставив ноги, справил нужду. Пошел нетвердо, отворил калитку. Слушал, как издали долетал нето собачий вой, нето кричал человек:

— Порют,—сказал.—Порют...

Пошел, тяжело топая, от ворот, гаркнул хриплой глоткой:

«Чубик, чубик, вейся, чубик, веселый казак молодой...»

Вдруг стал, увидев мутно белеющее агриппинино платье в раскрытых дверях сарая.

— Гапка! (Она не подняла головы, едва видя, тыкала куда-то длинным шилом). — Гапка! — надрывающе повторил Иона. — Брось это... Давай добром... Знаешь, время теперь?.. Собачьи ревкомы, Советы — под корень!.. — Он медленно, бешено стиснул кулак. Кровью умоемся, коммунию—под корень... Эх ты, ярка...

Он тяжело плюхнулся на порог каретника. Царапая сапогами по земле, схватил Агриппину за плечи, поворачивая к себе лицом. Трудно дышал, обдавая ее горячим дыханием чеснока и водки. Агриппина рванула плечи, но руки у него налились точно каменные, раскинутыми ноздрями тянул воздух:

— Добром, добром, сука...

Боролись молча... Он только раз спустил руку, чтобы отшвырнуть хомут, зажатый в гапкиных коленях...

. . . .

— Отправить если тебя на хутор, Марья, —ничего не выйдет... По всем хуторам, поди, верховые уже полетели с этой бумагой... (Степан читал и перечитывал отстуканный на машинке приказ нового станичного атамана о свержении советской власти и мобилизации). Одна тебе дорога—в Питер...

— Нет, — твердо ответила Марья, — туда, — нет.

— То-то что нет... А тут бы ты все-таки поприсмотрела... Корову надо выдоить утром, вечером... Птицы, поросята—пропадут. Ах, боже ж ты мой,—расстройство полное... Сходи к атаману, покажи пачпорт, беспартийная же...

— Нет,—опять ответила Марья упрямо,—и царю не кланялась.

— Никто тебя здесь не тронет, сиди смирно...

Степан быстро придвинулся, приоткрыл окошко. Слушал, не шевелясь, на сереющих стеклах уныло чернел его большой нос, отвалившаяся губа...

— Другой кричит... Порют, сволочи... Ну вот ты говоришь—как я не мобилизуюсь. Запорят шомполами... Брательник Иван — другое дело... Ванька—образованный, он не может итти против совести... А я за что им зад подставляю?

— Пойдешь Ивана убивать?—тихо спросила Марья (сидела она все там же — на скамье у печки).

— Как так—Ивана убивать?... Одурела ты...

— Против кого тебя мобилизуют? Против же своих рабочих.

— Ах ты, боже ж ты мой!—Степан с досадой захлопнул окошко.—Вот всегда вы так—образованные... И Ванька такой. Наш брат покуда подумает,—а уж все и сделано... Ну, плохо сделал, ну—ах, ах. А вам все надо наперед примерить, у вас, городских, времени что ли много?.. Куда же я денусь от мобилизации? В степь убежать? Чего я там—сусликов буду ловить?

Марья, все так же негромко, не спеша, ответила:

— Ты не один, ты да другой... Знать надо—кто тебе враг, кто тебе друг... Ты при Советах жил?..

— Ну, жил...

— При атамане—снимал портки?..

— Фу ты,—с бабами говорить—воду толочь... Да куда же я денусь?

— Мобилизуйся... Таких, как ты, у них тысячи... Каждая пуля дана для рабочего... Будете это твердо помнить—атаманы много с вами не навоюют...

— Ну и—дура! Стрелять то заставят?

— Попадать не заставят...

— Да, это—конечно,—стрелять одно, попадать—другое... Ах, Марья... Ай—Марья... То была молчаливая прямо—овца. И—скажи — как разговорилась.

Он охал и пожимал плечами, вертясь задом на лавке. Дверь потянули снаружи. Степан и Марья обернулись. Вошла Агриппина и тут же, у дверей, села на досчатую койку, где спали Алешка и Мишка. Торопливо, брезгливо положила что-то рядом с собой на край койки. По другую сторону двери над глиняным тазом висел рукомойник—с носиком. Агриппина долго глядела на него... Стремительно поднялась, вымыла руки, вытерла их о подол и снова села, низко опустив голову.

Марья молчала, вытянувшись, смотрела на девушку. Едва различимое, белое лицо Марьи все будто затряслось. Агриппина вскинулась, схватила то, что принесла с собой, бросила на пол, и опять к рукомойнику—начала во второй раз мыть руки. Ее поднятые плечи вздрагивали. Степан нагнулся со стула и поднял то, что она принесла и бросила на пол:—оказалось шило, к деревянной ручке его прилипали пальцы. Марья глядела теперь на руки Степана, вертевшего эту вещь. Будто догадавшись, она взялась за щеки, со стоном — ахнула громко... Агриппина—на койке—замотала головой, Степан разинул рот.

— Ты чего натворила, Гапка?

Агриппина ответила хрипло:

— Иону... убила...

— Иону? Да—врешь? До смерти?

— Не помню... Ничего не помню...

Марья быстро села рядом с Агриппиной, обняла, прижала к груди ее голову. Девушку всю трясло, как голую на ледяном ветру.

. . . .

В ту же ночь Агриппина ушла. Марья собрала ей из своего белья узелок, подарила, — хотя и жалея, — совсем неношенную полушерстяную темнобордовую юбку, Агриппинина юбка вся была изодрана, когда Иона в дверях каретника ломал девку и она, теряя силы, почти без памяти, почувствовала в руке зажатое шило и стала колоть им в часто дышащую грудь Ионы.

В потемках, шопотом, она сказала Марье:

— Противно мне, тошнит меня, лучше я голая уйду, а эту юбку, кофту в кровище — брошу...

Тогда Марья ей подарила бордовую юбку. Степан тоже одобрил: «Конечно, от такого страшного дела ей надо уходить подальше,—садись в Чиру на поезд, уезжай в Луганск, в Каменскую или в Миллерово... Работу найдешь, пачпорт у тебя не спросят...»

Агриппина ушла огородами. На рассвете свернула с дороги к извилистой, еще таящей ночную мглу, реченке Чир, в кустах сбросила рваное платье. Долго, крепко терла все тело мокрым песком. Присев — окунулась в студеную воду, — и — свежая — встряхивая влажными волосами, опять пошла по дороге к станции Чир.

Отрывок из романа «Хлеб», печатающегося в журнале «Молодая гвардия».

В. ЛУГОВСКОЙ

Октябрьская поэма

Сталин,
ты своей могучей волей
Зажигал умы, крепил сердца.

Озарял боев великих
поле
Светлый пламень
твоего лица.

Ты наш друг, отец, учитель верный,
Подвиг наш
и знамя наших сил.
Труд твой, величавый, беспримерный
Землю и народ плодотворил.

*

Вот идут полярники, пилоты,
Пограничники, бойцы страны,
Мастера науки и работы,
Мастера искусства и войны.

И ряды колонн текут сверкая,
И ряды трибун полны гостей,
Командиры шашки опускают,
Поднимают матери детей.

Молодежь проходит горделиво,
Грозный флот несется в облаках,
И проносят девушек счастливых
На высоко вскинутых руках.

Проплывают,
в синеве светлея,
Полные восторга и тепла
Мимо темных граней мавзолея
Бронзовые девичьи тела.

Это мы, и это наши люди,
Наши дети —
племя молодых.
Тяжкий гром Аврориных орудий
Колыбельной песней был для них.

И для них работа — не обуза,
И для них доступны все края.
Говори:
я гражданин Союза
И моя отчизна — это я.

Не напрасно падали герои,
Не напрасно кровь рекой лилась.
Я горжусь моим советским строем,
Я храню мою родную власть!

Разве светлый лик ее забудешь,
Кровных уз
порвешь тугую нить?
Если эту землю
ты не любишь—
Ничего
не можешь ты
любить.

Ледяные крепости Кавказа,
Богатырской степи облака,
Путь на полюс—
Сталинская трасса,
Волга, — речка, реченька, река.

Подмосковный луг, широкий, росный,
Кара-Кум—пески,
седой Саян,
Строевые, мачтовые сосны,
Медленный Великий океан.

Кахетинские тугие лозы
И Памира грозная стена,
Легкие,
весенние
березы,
Длинные
холмы
Бородина.

И вишневые сады Полтавы,
Куликова поля мурава,
И река —
водительница славы,
Темная, могучая Нева.

Все штыками и трудом добыто,
Кровью мыто, славой зажжено.
Кто входил сюда — бежал разбитый,
Небо рдело, вороньем полно.

К нам фашизм протягивает лапы,
Узнаем его звериный дых,
Но на север, на восток, на запад
Смотрят очи
наших часовых.

Будет день,
и мы врагу заплатим
Чистоганом, сразу и сполна.
Будет страшно в небе распознать им,
Что такое красная война.

Отрывок из поэмы, которая полностью будет напечатана в XI книге журнала «Знамя».

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

«Я—сын трудового народа»

Отрывок из нового произведения

Глава I.

Шел солдат с фронта. На войну уходил молодым канониром, возвращался в бессрочный отпуск бомбардир-наводчиком. На руках имел револьвер наган солдатского образца, штук десять к нему патронов и бебут—кривой артиллерийский кинжал в шагреневых ножнах с медным шариком на конце.

Это казенное оружие было перечислено в демобилизационном удостоверении за голубой батарейной печатью с куцым орлом временного правительства без короны, державы и скипетра, отслужившим свой недолгий срок.

Кроме того подхватил еще наш батареец на всякий случай по дороге драгунскую винтовочку и пару ручных гранат лимонок.

Сунув на глаза папаху из телячьих лапок, в аккуратной шинельке, раздутой в бедрах, маленький и бойкий, шел Семен Федорович Котко по замерзшей к вечеру степной дороге, подкидывая спиной ранец, туго набитый всякой всячиной.

Давно бы уже следовало ему сделать привал: переобуться и скрутить папиросу из крупно нарезанного румынского тютюна. Но каждый шаг приближал его к дому. А дома он не был больше четырех лет.

Чем ближе к родному селу, тем проворнее двигались ноги. Места становились знакомее. Последние восемь верст не шел солдат, а почти бежал.

Револьверный шнур морковного цвета болтался на груди. Подошвы горели.

В небе стоял ледяной месяц с острой звездой, которая, казалось, слетела с него вбок, да так налету и вмерзла в синий воздух, не достигнув земли. Февральский ветер, поднявшийся к ночи, с сухим шелестом пролетел в кукурузной ботве.

Скоро послышался собачий лай. Показались хаты. Семен узнал длинную кузню. Вязка подков висела на костыле, вбитом в облупленную стену, голубую от лунного света. Он обогнул знакомую коновязь, обгрызанную лошадьми. Знакомая телега со снятыми дробинами стояла среди знакомого двора в косой тени мазанки.

Солдат остановился и перевел дух. Затем с детскими ужимками он подобрался на цыпочках, стукнул в темное окошко и тотчас отскочил в сторону, прижавшись ранцем к стене. Он расставил руки и задрал подбородок. Не в силах вздохнуть от волнения, он закусил небритую губу. Загадочная улыбка остановилась на его круглом лице с крепко зажмуренными глазами. Сердце било в ключицы.

Четыре года он предвкушал эту шутку. Четыре года снилось ему: вот он возвращается с фронта домой, вот он подбирается на цыпочках к родной мазанке и стучит в родное окно: мать выходит из хаты и спрашивает: «кто там, чего надо?» Она сердито смотрит в незнакомого солдата, а он по-походному грубо и весело кричит: «Здорово, хозяйка! Принимай на ночлег героя артиллериста, георгиевского кавалера! Вынимай из печки галушки, или что там у вас есть в казане! Бомбардир-наводчик хочет исты!». Она невесело смотрит на него и все-таки не узнает. Тогда он вытягивается во фронт, прикладывает руку к головному убору и отчетливо рапортует: «Ваше высокоблагородие, так что из действующей армии сего числа прибыл в бессрочный отпуск Семен Федорович Котко, ваш законный сын, накрывайте на стол, давайте борща, и больше никаких происшествий не случилось». Мать вскрикнет, схватится за грудь, повиснет на шее у сына,—и пойдет веселье!

Но из хаты никто не выходил. Остатки снега мерцали вокруг села, как слюда. Вдруг брякнула щеколда. Дверь открылась. На пороге стояла высокая, костлявая женщина в домотканной спиднице и суровой рубахе, раскрытой на жилистой шее.

Без страха и удивления она посмотрела на солдата, притаившегося в тени.

— Кого надо?—сказала она простуженным голосом.

Звук материнского голоса коснулся солдатского сердца, и сердце остановилось.

Солдат выступил из тени, обеими руками снял папаху и виновато опустил стриженую голову.

— Мамо,—сказал он жалобно.

Она посмотрела на него пристально и вдруг положила руку на горло.

— Мамо,—сказал он еще раз, рванулся, обхватил ее костлявые плечи и вдруг, прижавшись носом к рубахе, от которой пахло сухой овчиной, заплакал как маленький.

Глава II.

Семен Федорович выспался на славу. Уже было позднее утро, когда он открыл глаза. Но что за странное пробуждение для солдата: проснуться от жары! Яркий солнечный свет смешивался с розовыми отблесками печки, растопленной сухими кукурузными кочанами. Стеклам тоже было жарко, они потели.

Семен Федорович скинул с себя ситцевое одеяло, чересчур большое, тяжелое и плоское, как галушка. Старая еловая кровать затрещала. Бедная хата была наполнена превосходными солдатскими вещами.

Одежда и оружие занимали стены и подоконнички, так что за ними скрылась вся домашняя утварь: сита, часы-ходики, картинки, икона, восковые пасхальные писанки.

«Ишь, чего только может нанести с фронта домой один солдат!»—не без хвастовства подумал Семен Федорович, опоминаясь ото сна: «Полная хата вещей! Да еще полный ранец!».

Между тем, девочка лет четырнадцати, по-бабьи повязанная коленкоровым платком, откуда ее лицо выглядывало, как из фунтика, в теплом мужском пиджаке рыжего домотканного сукна и громадных чоботах, уже давно с дерзким любопытством смотрела из-под руки, как на солнце, то на Семена Федоровича, то на раскиданные повсюду солдатские вещи.

Солдат заметил девочку. С некоторым недоумением он рассматривал ее.

— Тю!—вдруг воскликнул он с веселым изумлением:—А я смотрю и думаю: что это за такая кукла? Откудова она взялась? А это, оказывается, наша Фроська! Смотри ты как выросла.. Ну? Чего ж ты молчишь, сестричка? Язык скушала? Да ты, Фроська, или вовсе не Фроська? Отвечай, как полагается по уставу!

— Фроська,—сказала девочка смело, ничуть не смущаясь тем, что разговаривает с солдатом.

— Где же ты была вчера, что я тебя не заметил?

— А на печке. Вы меня не бачили, зато я вас бачила. Вы кавалер?

— А, чтоб тебя! Кавалер!—захохотал Семен:—такая малявка, а уже понимает что за такое кавалер. Где ж это ты видишь, что я кавалер?

— У вас на груде крест,—сказала девочка, подходя к солдатской гимнастерке, раскинутой рукавами врозь на столе. Она потрогала крестик, пришитый к карману. —Беленький. Без бантика. Значит, четвертой степени. Георгиевский. Скажете нет? Ой, что это! Накажи меня бог — драгунская винтовка!—продолжала Фрося болтать, не обращая внимания на брата.

Он смотрел на нее во все глаза, дивясь тому, как она выросла за эти четыре года: уходил на войну—была совсем маленькая, незаметная, возвратился — и на тебе: высокая, ничего не стесняется, с дерзкими глазами, как у той козы, а, главное, понимает солдатские дела — хоть замуж выдавай!

— Дивитесь,—говорила девочка, переходя от вещи к вещи:—дивитесь, сколько богатой справы! Бачьте — сапоги юфтовые, головки совсем ще новые! А нож какой кривой. Артиллерийский, скажете нет? Ух, ты, а ранец! Тяжелый. Двумя руками не подымешь. Целый чемойдан. Что там такое?

— Не касайся до ранца.

— Та я ж не касаюся. Я только побачу и положу на место.

— Ой, Фроська, заработаешь по рукам!

— Ни. Вы меня с кровати не достанете.

— А ну, где мой пояс с медной бляхой? Он достанет.

— Нема вашего пояса с медной бляхой,—хохотала девочка:—я его на горище закинула!

— Ну тебя к чорту, на самом деле! Положь ранец. Хочешь хату подорвать, чи шо? Может в этом ранце ручные гранаты лежат, откуда ты знаешь?

— Лимонки или бутылки?— быстро с живым любопытством спросила Фрося, не выпуская из рук ранца.

Солдат всплеснул руками.

— Что вы скажете?— ахнул он.—Лимонки или бутылки! Где это ты научилась понимать? Допустим, что лимонки. Ну?

— Я знаю! Лимонку сначала надо об такую маленькую терочку чиркнуть, а без того она все равно не подорвется. Скажете — нет?

— А вот я тебя сейчас чиркну по задннице,—пробормотал Семен и вдруг выскочил из постели с проворством, которого никак нельзя было угадать по его лицу, блаженному и слегка опухшему от долгого и счастливого сна.

Но Фрося оказалась еще быстрей и проворнее брата. Во мгновение ока со страшным визгом она шмыгнула в сени—платок упал с головы и повис на крепком маленьком плечике—только довольно длинная, тугая коса, заплетенная ситцевой лентой, мелькнула перед носом Семена.

Из темноты сеней на солдата смотрели блестящие глаза, круглые и настороженные.

— А вот не споймаете!

— Очень мне это надо,—с напускным равнодушием сказал Семен.

Он хитрил. Ему до страсти хотелось поймать нахальную девчонку и шлепнуть ее для примера, чтобы она имела уважение к воинскому званию.

Но он хорошо понимал — нахрапом тут ничего не выйдет. Надо действовать осторожно.

Не обращая внимания на Фросю, он озабоченно прошелся по хате, как бы разыскивая какую-то нужную ему вещь. Он даже нарочно отошел как можно подальше от двери и копался на подоконничке, чтобы усыпить всякие подозренья.

— Все равно, не споймаете, — послышался сзади Фроськин голос.

Он покосился через плечо. Нахальная девочка стояла уже одной ногой в хате, держась на всякий случай за щеколду, чтобы в любой момент захлопнуть дверь перед самым носом брата.

— Очень мне это надо,— бормотал он, неторопливо перебирая вещи, а самого так и подмывало кинуться и схватить девчонку.

— А вот всё равно, не споймаете.

— Очень надо. Захочу так споймаю. Вот сейчас надену сапоги и шаровары, возьму в руки пояс...

— Ни!

— Тогда побачишь.

Семен лениво потянулся к шароварам, но, вдруг, сделав страшное лицо, кинулся за Фроськой. Но она уже, как ветер, мчалась через сени. Упало коромысло, загремели ведра. Щелкнула щеколда наружной двери. Солдат не сдержался и как был в исподнем, в бязевых кальсонах, выскочил во двор и побежал босиком по мокрой, холодной земле, ослепительно сверкавшей под сильным солнцем февральской оттепели.

Несколько любопытных дивчат и бабенок с ведрами, уже с утра околачивавшихся возле хаты, чтобы посмотреть на вернувшегося с войны мужчину—котковского Семена—с визгом ринулись в разные стороны, притворно закрываясь платками и крича на всю улицу:

— Чорт, бесстыдник! Ратуйте, люди добрые! Караул!

Семен заслонился рукой от солнца. Ему показалось, что среди бегущих дивчат одна, в короткой черной жакетке и сборчатой юбке, особенно часто оглядывается, особенно громко хохочет и особенно стыдливо закрывается концом розового платка с зелеными розами, сверкая из под него черными, как вишни, глазами.

И вдруг все его широкое, добродушное, с мелкими чертами лицо пошло бурым солдатским румянцем. Он схватился за распахнувшийся ворот рубашки, стыдливо подтянул кальсоны и, погрозив Фроське кулаком, рысью побежал в хату.

— А что, споймали?—раздался с улицы фроськин голос.

Глава III.

«Кто ж это был: Соня или не Соня?»—размышлял Семен, рассматривая в зеркальце свой неделю небритый подбородок. Намылив самодельным алюминиевым помазком щеки, он задумался: оставлять усы или не оставлять? Усы, если сказать правду, были неважные. Редкая, рыжеватая щетина. Росли они только по краям рта. Под носом же ничего не росло. Так что можно было свободно сбрить. Но, с другой стороны, георгиевский крест и воинское звание безусловно требовали усов. Усы для бомбардир-наводчика были такой же необходимой принадлежностью, как две белых лычки—одна поперек, другая вдоль погона. И хотя погоны Семен спорол давно, еще на позициях, но расставаться с усами не хотелось.

— Только усы не режьте, пускай остаются,— жалобно сказал из сеней фроськин голос: —У всех у наших солдат, которые повозвращались с фронта, отросли усы.

— Ты опять тут?

— Тут.

— Чего ж ты прячешься? Заходи в хату.

— Хитрые!

— Ничего, заходи.

— А вы будете биться.

— Не буду.

— Перекреститесь.

— А если я в бога не верю?

— Ни. Верите.

— Откудова ты знаешь?

— Вот знаю. Которые с артиллерии—те чисто все в бога верят. А которые с пехоты или же с черноморского флоту матросы—те все чисто не верят.

— Смотри на нее: все она знает. А, например, с кавалерии или же с инженерных войск, то те как: верят или не верят?

— Те—я не знаю. С кавалерии и с инженерных у нас ще не возвращалось.

Разговаривая таким образом с братом, Фрося мало-помалу вошла в хату и доверчиво остановилась совсем невдалеке от него, глядя во все глаза и наслаждаясь увлекательным зрелищем бритья.

Ловко вывихнутая бритва сверкала в руке Семена, разбрасывая вокруг себя по стенам и потолку зеркальных зайцев. Лезвие осторожно счищало с подбородка мыло. Под ним обнаруживалась чистая, до красноты натертая кожа.

Девочка склонила на бок голову и, затаив дыханье прислушалась.

— Слухайте... Не слышите? Все равно, как сверчок.

— Что?

— А бритва. Верещит. Тонюсенько-тонюсенько. Как сверчок. Скажете — нет?

— Это, наверное, у тебя в носе сверчит.

Фрося фыркнула и сконфузилась.

Некоторое время она молчала, переминаясь с ноги на ногу. Ей уже давно надо было сказать брату одну вещь. Но вещь эта была такая важная и секретная, что девочке все никак не удавалось среди шутливого разговора кинуть нужное словечко. Кроме того мешала мать, которая не отходила от печи, стряпая сыну добрый борщ из кислой капусты, пшена и свинины. Но вот она вышла из хаты за салом.

Фрося завернула руку за спину, подошла вплотную к брату и подергала себя за рыжую косу. Рыжие брови ее строго нахмурились. Вокруг пухлого рта сошлись морщины сборочкой, как у старухи.

— Слышь, Семен, — быстро сказала она, косясь на дверь,—посылает тебе один человек поклон, — а какой человек — ты сам знаешь, — и пытает тебя, какие дальше твои думки? Будешь ты посылать до нее сватов или не будешь? Или, может, ты уже забыл про того человека вспоминать?

Дернулась бритва в руке у Семена.

— А чтоб тебя!—сердито сказал он: — Гавкаешь под руку глупости. Свободно мог порезаться.

Но, посмотрев на сестру, вдруг понял, что это не глупости. Сердце его горячо екнуло. Он изо всех сил наморщил лоб, старательно вытирая бритву бумажкой.

— Передашь тому человеку,—сказал он, глядя в сторону,— что, может, она забыла про меня вспоминать, а я про нее никак не забыл, и мое слово, как было, так и есть, — нерушимое.

Фрося важно кивнула головой. Но вдруг, в один миг лицо ее стало хитрым и оживленным, как у старой деревенской сплетницы. Она припала к плечу брата и жарко зашептала в самое его ухо, на котором шурша сохло мыло:

— Приходь сегодня на вечерку в хату до Ременюков; только не до тех Ременюков, которых баштан коло баштана Ивасенков, а до тех Ременюков, которых двух сынов на фронте в пехоте убило, которых хата сейчас за ставком. Сегодня очередь Ременюковой Любки. Там можешь встретить того человека. Гроши у тебя е, чтоб дивчат пряниками угощать?

— Гроши найдутся.

— Не надо. Я смеюсь. С демобилизованных дивчата ничего не берут.

А уже в хату входила мать, на вытянутых жилистых руках подавая сыну вынутый из сундука праздничный утиральник, богато вышитый в крестик черной и красной бумагой.

Кадр из фильма «Белеет парус одинокий» (сценарий В. Катаева, режиссер В. Легошин, производство Союздетфильм). Слева направо: Петя (Борис Рунге), Гаврик (Игорь Бут) и Паша (Светлана Фрадилова).

НАВСТРЕЧУ 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Создадим хорошую советскую песню

Нам есть о чем петь

Сейчас я заканчиваю «Кантату», посвященную 20-летию Октября. Я работал над нею в тесном содружестве с поэтом В. Лебедевым-Кумач. Тексты песен—грузинской, узбекской, украинской и русской — для второй части кантаты написаны поэтом на заданную мелодию, и, по-моему, песни удались. Вообще я считаю сотрудничество композитора и поэта хорошим, плодотворным методом работы.

Песня, рассчитанная на массы, должна обладать такими главными достоинствами: быть очень доходчивой и легко запоминаться. Не следует поэтому допускать в массовых песнях всяких сложностей — гармонических и иных, к которым прибегают часто некоторые композиторы.

Однако хочу подчеркнуть, что, высказываясь за общедоступность песен, зовя к простоте, я отнюдь не призываю к упрощенчеству, к обеднению музыки. Я подразумеваю простоту, неразлучную с величием и свойственную прекрасному народному творчеству.

Народные песни, конечно, подлежат некоторой художественной обработке, но такой, которая не была бы им в ущерб. Особая осторожность и вдумчивость требуется при обработке песен братских народов СССР.

Живым источником песенного, да и всякого другого творчества, я считаю народное искусство. Черпая из этой богатейшей сокровищницы, надо лишь умело и любовно отобрать лучшее, самое ценное.

Почему бы даже не писать новые современные тексты на чудесные старые напевы? Есть пословица: «Из песни слова не выкинешь». Но слова умирают, рождаются новые на их место, а чувства остаются. И песня с обновленными словами зазвучит по-новому.

В массовых песнях надо шире и смелее использовать нотный мелодический материал, собранный, подслушанный, записанный в различных местах и краях нашей огромной, многонациональной страны.

Создание хороших массовых песен — почетная обязанность всех советских композиторов. И эта обязанность тем приятней, что нам — гражданам великой и счастливой страны — нам есть о чем петь, нам есть кого воспевать!

Композитор
С. Н. ВАСИЛЕНКО.

Искать новых путей

«Литературная газета» на своих страницах широко поставила вопрос о создании советской песни. Едва ли не впервые этому жанру уделяется в печати столько внимания. О песне надо говорить настойчиво и постоянно. Надо перестроить психологию многих людей, призванных творчески или технически работать над созданием песни, но недооценивающих ее политического значения, эмоционального воздействия и художественного своеобразия этого жанра. Надо перевоспитать некоторых композиторов, работников Музгиза, Граммпласттреста и прочих учреждений, все еще по-кампанейски подходящих к созданию песни.

Песня, которую поют миллионы, которая входит в быт народа, должна быть органически близка ему. Мне думается, что народные массы лишь тогда воспринимают песню как что-то родное, когда в ней сохранены интонации народного творчества.

Композитор, создавая песню, должен собирать народные мелодии и, интерпретируя их, связывать и обогащать собственными музыкальными интонациями. Такая песня не может получиться обезличенной, и вместе с тем она будет органически близка народным массам.

Этим утверждением я хочу возразить некоторым «академистам», которые считают, что песня, построенная на народных мелодиях, лишена художественной индивидуальности ее автора.

Подтверждение правильности своего мнения я нахожу и в заслуженной популярности песен таких композиторов, как Дунаевский, Покрас, которые безбоязненно пользуются в своем творчестве музыкальным фольклором.

Тем не менее, хотя у нас создано множество прекрасных, подлинно народных песен, не следует считать, что этот жанр достиг уже у нас своего блестящего развития. Неправильно делают композиторы, которые, канонизируя творчество Дунаевского, не ищут своих путей развития советской песни.

Многие композиторы, работающие над монументальными произведениями, пренебрежительно относятся к песне. Они не понимают, что сочинить массовую, подлинно народную песню иногда важнее и труднее, чем написать целую симфонию.

Я был горд, когда, будучи в Армении, услышал, как люди пели мою песню из фильма «Пепо».

«Они поют мою песню!» — подумал я, испытывая чувство горделивой радости и глубочайшего удовлетворения.

Пора понять, что написать песню, которую распевают на улице колонны демонстрантов или взвод красноармейцев, не менее почетно, чем создать монументальное музыкальное произведение.

Композитор
А. ХАЧАТУРЯН.

Ближе к народному творчеству

Как звук рождает эхо, так хорошие стихи рождают музыку.

Вспомним Пушкина. Сколько композиторов создало великолепные произведения, вдохновляясь пушкинскими стихами.

Наши поэты, к сожалению, пока еще дают мало хороших песенных текстов. Трудно отыскать такие стихи, которые будят желание запеть, написать музыку. Иной поэт стремится в одной короткой песне рассказать и о величии нашей родины, и о личных чувствах, о всех замечательных победах Советского Союза, и о всех событиях наших дней, словом — обо всем сразу. Получается голое перечисление фактов, и только.

Пусть будет взята одна, даже небольшая тема, но если она глубоко раскрыта, в ней может отразиться существо нашей замечательной и радостной жизни. Одна основная тема, глубоко прочувствованная и волнующая, вызовет у композитора ответную главную мелодию. Так, по-моему, рождается песня.

Многие современные массовые песни, даже и наиболее популярные, страдают тем общим недостатком, что в них есть элементы джазовой музыки. Многие наши композиторы еще ориентируются в создании песен на западную буржуазную музыку. А надо добиваться возможно большей близости к народной песне.

Простота и задушевность, мягкий лиризм, глубина искреннего чувства и вместе с тем эпическая мощь—вот чем богато истинно-народное творчество. Живые интонации народного языка, его богатство и выразительность должны быть переданы в музыке.

Начавшееся обсуждение проблем песенного творчества может во многом помочь нам, молодым композиторам. Ждем статей, говорящих о том, в чем заключаются достоинства и недостатки советских массовых песен.

Композитор
Тихон ХРЕННИКОВ.

О ходе конкурса песни

На конкурс песни, посвященный 20-летию Великой Социалистической Октябрьской революции, поступило уже свыше 500 текстов. Литературной комиссией жюри, выделенной союзом писателей, произведен предварительный отбор текстов. Часть отобранных текстов публикуется «Литературной газетой» и газетой «Музыка». Остальные рассылаются композиторам, которые могут также лично получать тексты в Музгизе. Можно кроме того представлять музыку вместе с текстом, не поданным отдельно на конкурс, если только текст является оригинальным.

Срок представления текстов продлен до 15 октября. Жюри рассчитывает на получение в оставшийся срок достаточного количества хороших текстов на темы: строительство, дружба народов, партия, новая жизнь в городе и деревне, быт, семья, любовь и т. д.

Приходится снова напоминать авторам, что конкурс — закрытый. И тексты и музыку надо посылать под девизом, сообщив фамилию и адрес в отдельном запечатанном конверте. Тексты, авторы которых не выполнили этих условий, а также и тексты, ранее опубликованные, к конкурсу не допускаются. Но лучшие из них будут рекомендованы композиторам для написания музыки вне конкурса.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМИССИЯ ЖЮРИ
Ап. ЖАРОВ,
М. ИСАКОВСКИЙ,
В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ,
А. СУРКОВ.

* * *

Победная песня

В наши дни, не во сне, наяву
Сказка явью заманчивой стала.
Из Каспийского моря в Москву
Пароходы плывут по каналу.

Мы штурмуем высоты и воды.
Тьму пронзаем лучами побед.
Для людей большевистской породы
Ничего невозможного нет.

По Днепру в Черноморье идет
Вешний сплав белорусского леса.
Украина огнями цветет
У бетонных громад Днепрогэса.

Мы штурмуем высоты и воды...

Поднимаясь на Сталинский пик,
Физкультурник окликнет пилота.
Слышен родины нашей язык.
В ледяных заполярных широтах.

Мы штурмуем высоты и воды...

Только летчики нашей земли,
Непривыкшие бурям сдаваться,
Через Северный полюс смогли
До Америки дальней добраться.

Мы штурмуем высоты и воды...

Двадцать лет мы живем и растем.
Все, что сделано, — только начало.
Эту песню сегодня споем
Так, чтоб песня и завтра звучала!

Мы штурмуем высоты и воды.
Тьму пронзаем лучами побед.
Для людей большевистской породы
Ничего невозможного нет.

ДЕВИЗ: «СТАЛИН».

Наша песня

Любви безграничную силу
Мы знаем, товарищ, с тобой,
Мы помним, товарищ, могилу
Под старой кремлевской стеной.

Мы всюду стоим часовыми,
Храня мавзолея гранит.
Вождя и учителя имя
Над нами, как солнце, горит.

В минуты труда и досуга,
С друзьями веселье деля,
Мы помним великого друга,
Что смотрит на нас из Кремля.

Простыми словами родными
Он с каждым из нас говорит.
Вождя и учителя имя,
Как солнце, над нами горит.

В победных боях мы узнали
И поняли сердцем давно, —
Два имени: Ленин и Сталин
Сливаются всюду в одно.

Над всеми путями земными
О них наша песня гремит.
И родины гордое имя
Над нами, как солнце, горит.

ДЕВИЗ: «КРЕМЛЬ».

Все в порядке

I.

Путь открыт, светло в кабине,
На штурвал легла рука,
И поднялись в сумрак синий
Три пилота-смельчака.

Их умчали, сквозь циклоны,
Два крыла;
Им шептали напряженно:
«Как дела?»
И ответ донесся краткий:
«Все — в порядке!»

II.

Долго буря бушевала,
Шли на приступ облака,
И сменялись у штурвала
Три пилота-смельчака.

Но когда обледенели
Два крыла,
Мы опять узнать хотели, —
Как дела —
И ответ донесся краткий:
«Все — в порядке!»

III.

Каждый день казался годом,
Нелегко им было плыть,
Но упрямую природу —
Удалось перехитрить.

Вот страна какую силу
Им дала!
И страна у них спросила:
«Как дела?»
И ответ донесся краткий:
«Все — в порядке!»

IV.

Хорошо бы стать постарше
И над полюсом летать;
Хорошо бы нам вот так же
Научиться отвечать...

Полетят к полярной ночи
Два крыла,
И страна узнать захочет, —
Как дела,
И ответ услышит краткий:
«Все — в порядке!»

ДЕВИЗ: «ДЕТИ — ЦВЕТЫ ЖИЗНИ».

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОК

В царских кабаках и эстрадно-распивочных заведениях загулявших купцов, веселящихся чиновников и прочую высокородную уважаемую публику восторгал и покорял сермяжный номер «Выход лапотников»:

Как у тетушки у Феклы
Стала морда вроде свеклы,
А я тетку целовать:
Раз, два, три, четыре, пять...

Уважаемая публика икала и фыркала от удовольствия, чувствуя свое превосходство над деревенскими дурнями и дурехами.

— Что и говорить, — балбес у нас народ! Пару пива!

Кафешантанные лапотники отлично знали, как потрафить господам.

Разухабистая похабная частушка, сочиненная кафешантанными пройдохами, выдавалась за... поэтическое творчество народа. Это была сплошная издевка над «низшим» классом, над «простонародьем».

Необозримое облако пошлости плыло с эстрады, смешиваясь с густым табачным дымом и сивушной испариной.

Я сидела у окна,
Пробежал теленочек...
Я взяла его за хвост,
Думала — миленочек!
Хо... хо... хо...

Кабацко-эстрадное частушечное творчество гнилым болотом разливалось по городам и селам.

Народность устной деревенской поэзии подменялась пресловутой «простонародностью».

Великая социалистическая революция дала необычайный размах народному творчеству и оживила интерес к различным жанрам народной поэзии.

Сегодняшние песня и частушка находятся в тесном соотношении с зажиточной и культурной жизнью расцветающей колхозной деревни.

В новой социалистической деревне не должно быть места песне и частушке, окрашенной в старо-кабацкие разгульные цвета и искажающей действительные настроения, чувства колхозной массы .

И если старая частушка еще бытует в нашей деревне, то надо организованно бороться с ней, способствовать вытеснению ее новой частушкой.

*

Частушка — одно из орудий агитации. Не только продолжатели традиций эстрадно-распивочного «творчества», потешавшегося над вымышленными деревенскими дурнями и дурехами и высмеивавшего простонародье, но и враги нашего здорового молодого колхозного поколенья могут попытаться захватить этот жанр.

Законное беспокойство должна вызвать у читателя недавно изданная саратовским областным издательством книжечка «**Колхозные частушки**».

Для составления сборника этих частушек издательство снарядило специальную экспедицию. Из груды записей — что-то около десяти тысяч частушек — составители включили в сборник «менее одной десятой части».

По заявлению издательства, «настоящий сборник окажется полезным в деле распространения полноценной советской частушки и вытеснения грубой нехудожественной частушки, подчас еще распеваемой, за неимением лучшей, колхозной деревней».

Так и запомним!

«Отбирались **лучшие не только по содержанию,** — клянется издательство в предисловии к сборнику, — **но и по форме**».

Один из разделов сборника открывается справедливым требованием:

Ты не пой, не пой, певец
Старые частушки...
Нам советские давай,
Чай мы не старушки!

Но тут же несколькими куплетами ниже, точно иронизируя над выше приведенным эпиграфом, выглядывает сморщенное старушечье лицо грубой дореволюционной частушки все о том же ухваченном за хвост теленочке, который был принят за миленочка (стр. 214).

Дальше современной деревенской девушке подсказываются чувства и настроения, несомненно, заимствованные из затхлого лапотного репертуара.

Что, например, **«полноценного»** усмотрели составители сборника в песенке о девушке, которая «ходила по мосту, по кирпичному, морганула одному симпатичному»

Почему, вытесняя «грубую, нехудожественную частушку», сборник распространяет прокисшую кафешантанную пошлятину:

Милый любит, не целует,
Только обещается,
А любовь без поцелуев
Строго воспрещается. (Стр. 216).

К полноценному народному творчеству отнесены также частушки о пресловутом красавце, которого «у подружки я отбила», о парне, который «напился не в мочь, обнимался всю ночь» и об ухарях-ухажерах в кепках, которые «крепко завлекают» — так, что девушки возвращаются от них домой на заре, и явно кулацкая частушка о стахановцах, которых в колхозах «уважают, на коленочки сажают» (стр. 211—220).

Частушки, подобранные саратовскими фольклорными экспедициями, искажают деревенскую действительность и изображают славную колхозную молодежь, как хлыщей, дон-жуанов, пошляков, салонных хватов...

Ох, рожь чиста,
Брошу тракториста,
Потому что к нам во двор
Ходит Ваня комбайнер...

Где мы с миленьким гуляли
Был любимый уголок...
А теперь простилась с Ваней:
Комбайнер меня завлек. (Стр. 178).

Собиратели частушек полагают, что подобная «легкость» свидетельствует о культурном росте девушки.

Видимо, поэтому же в раздел «Мы стахановцы в культуре» вползает такой стишок:

Шла по бережку крутому,
Шла тропинкою кривой,
Я хожу теперь к другому —
Меня любит звеньевой. (Стр. 136).

От тракториста к комбайнеру, от комбайнера к звеньевому...

Эти сомнительные нравы авторы книги «полноценной советской частушки» считают почему-то характерными для нынешней деревни.

*

Мы не ханжи. Мы не отвергаем романических чувствований и любовных волнений юности Но мы знаем, что наше время находит иные лирические выражения, чтобы обозначить нежность и влюбленность, не подражая лапотному стилю разухабистой дореволюционной кабацкой частушки...

«В основе частушек обычно лежит параллелизм между образом и человеческим переживанием» (см. МСЭ, т. IX, «Частушки» — Ю. Соколов).

Спрашивается, какими путями пробрались в саратовский сборник некоторые частушки с отчетливо вражескими аллегориями?

Вот образец такого возмутительного параллелизма (а их не мало!):

Прогорели все дрова,
Угольки погасли...
Нам в колхозе для детей
Построили ясли. (Стр. 30).

*

Издательство сообщает, что «в ближайшие месяцы возможен выпуск нового сборника».

Будем надеяться, что намерение это будет осуществлено с большей настороженностью и зоркостью, и собиратели избегнут кулацких мотивов и вражеских измышлений.

От этой опасности надо предостеречь всех наших фольклористов!

Гнилосортные частушки прорвались и в книгу «Волжский фольклор» («Советский писатель», 1937 г.), вышедшую под редакцией проф. Ю. Соколова.

Вот пример:

Как наш дедушка-сосед
Радиолюбитель...
Прицепил сзади к штанам
Громкоговоритель. (Стр. 182).

В разделе «Комсомол деревню тянет на дорогу новую» и «Про любовь никто не знает» нашли себе приют «пейзанские» частушки, снижающие и опошляющие роль и значение живого народного творчества нашей Родины.

Нельзя недооценивать роли частушки как агитационного фактора. В годы гражданской войны красная частушка метко била по врагу.

Но и враг не дремал, используя удобную форму легко запоминаемой коротенькой песенки для своих контрреволюционных целей.

Издание пошлых и политически сомнительных частушек, фальсифицированных темными силами, может кое в каких глухих углах принести прямой политический вред. Ибо в некоторых колхозах еще орудуют кулацкие подпевалы и враги.

Довольно фольклористам заниматься безмятежным коллекционированием подозрительной «простонародной» песни и частушки.

Не пора ли им заняться разоблачением и пресечением подпольной вражеской деятельности и на «частушечном фронте»?

В. АНДРЕЕВ

Владимир Иванович Даль.
Портрет работы художника В. Перова.

■ ■ ■

Сокровищница языка и ума народного

К 65-летию со дня смерти В. И. Даля

Мартовским морозным вечером 1819 года по петербургскому тракту на паре почтовых лошадей ехал молоденький мичман, только что выпущенный из Морского кадетского корпуса. В новенькой щегольской одежде мичману было холодно, и он погонял ямщика. Ямщик, взглянув на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу — в утешение продрогшему моряку сказал:

— Замолаживает!

Мичман не понял и переспросил. Ямщик (он был Новгородской губернии) об'яснил значение слова, незнакомого мичману, и тот, несмотря на мороз, торопливо вынул из кармана записную книжку и окоченевшими пальцами записал:

«Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Молодой мичман был Владимир Иванович Даль (1801—1872), а строки, случайно записанные им в дороге, стали началом огромного многолетнего труда — «Толкового словаря живого великорусского языка».

С этой поры записная книжка Даля неустанно пополнялась. Он записывал областные слова, пословицы, поговорки, прибаутки, особенные обороты народной речи. Служба во флоте, военные походы, многочисленные служебные поездки по России — все это доставляло Далю богатейший материал. Целый ряд профессий, которые он перепробовал (был моряком, врачом, в частности выдающимся окулистом, естественником, этнографом, беллетристом, видным чиновником удельного ведомства и министерства внутренних дел), хорошо ознакомили его, как он сам говорил, — «по языку и по понятиям с бытом разных сословий и состояний, наук и знаний».

Даль был пламенным русским патриотом. Его любовь к живому и богатейшему языку русского народа проистекала из деятельной, — по выражению Белинского — любви к русскому человеку.

«К особенности его любви к Руси, — писал великий критик в 1846 г. в рецензии на повести, сказки и рассказы Даля, — принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого **крестьянином** и **мужиком...** Как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком».

«Во всю жизнь свою, — говорит Даль в автобиографии, — я искал случая поездить по Руси, знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия — за цвет или плесень... и почти с детства смесь нижегородского с французским мне была ненавистна... При недостатке книжной учености познаний, самая жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком... Я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов. Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление мое, также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушен к этому и боялся мужичества».

Даль в своем демократическом стремлении к «мужичеству» исходил из мысли, что «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи». И всю свою жизнь Даль посвятил собиранию сокровищ русской речи. Как пример того, до какой степени совершенства Даль изучил все разнообразие местных говоров, биограф его рассказывает следующий случай. Где-то на даче Даль вступил в разговор с несколькими монахами, «сборщиками на церковное строение». Впереди всех стоял белокурый, чистотелый монах. К нему и обратился Даль:

— Какого, батюшка, монастыря?

— Соловецкого, родненький, — отвечал монах.

— Из Ярославской губернии? — спросил Даль, зная, что «родненький» — одно из любимых слов ярославцев.

Монах смутился и поникшим голосом ответил:

— Нету-ти, родненький, тамо-ди в Соловецком живу.

— Да еще из Ростовского уезда, — сказал Даль.

Монах повалился в ноги: — Не погубите!

Оказалось, что это был беглый солдат, отданный в рекруты из Ростовского уезда.

За целый ряд лет у Даля накопилось столько записей для словаря, что ему «пришлось призадуматься над ними». В 1848 г. в письме к филологу М. А. Максимовичу Даль писал: «Собирая уже около 30 лет все, что принадлежит к народному быту нашему, собирая для того, чтобы учиться, я, наконец, желал бы поделиться сокровищами своими, чтобы заесть им веку. У меня **пять стоп** бумаги исписано русскими сказками со слов рассказчиков; у меня собрано пословиц, поговорок, присловий, прибауток — не знаю сколько, но не один десяток тысяч; у меня собраны местные говоры из 26-ти губерний, не считая белорусских и малорусских»...

В конце 1859 г. Даль вышел в отставку, переселился в Москву и вплотную принялся за обработку своего словаря. Даль был уже стар, его одолевали болезни, но работал он неутомимо. Он должен был один, без помощников, править четырнадцать раз корректуру трехсот печатных листов большого формата. На всю эту работу была употреблена, — как он сам выразился, — «одна пара старых глаз». От усталости он нередко падал в обмороки и часто повторял:

— Ах, дожить бы до конца словаря! Спустить бы корабль на воду!

Наконец главный труд всей жизни Даля был закончен. В 1863 году вышел первый том словаря; к 1866 году было закончено все издание в четырех томах. Академия наук присудила Далю Ломоносовскую премию. Академик Я. К. Грот, написавший критический разбор словаря (на основании этого разбора и была присуждена Далю премия) писал: «Собранные Далем сокровища языка и ума народного дают целую массу нового материала... К труду этому будут обращаться все, кому нужно изучать с какой бы ни было стороны народную жизнь; он должен также сделаться настольною книгою всякого, кто вдумывается в родной язык, кто хочет короче узнать его богатства, а тем более, кто трудится над исследованием его законов. Но словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать ее или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдет в ней знакомого, родного, любезного и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений, драгоценных и для житейского обихода и для литературного дела!»

Даль считал, что им собрано до 80 тысяч новых слов, не зарегистрированных в словарях, вышедших до него. Всего в словаре Даля более двухсот тысяч слов. Его целью было внести в словарь — как он писал — «слова, речи и обороты всех концов Великой Руси... не для безусловного включения их в письменную речь, а для изучения самого духа языка и усвоения его себе, для выработки из него постепенно своего образованного языка. Читатель, а тем паче писатель, сами разберут, что и в каком случае можно принять и включить в образованный язык».

Толковый словарь Даля не только толкует, об'ясняет значение слов, он насыщен примерами фразеологии русской речи, пословицами, поговорками и другим фольклорным материалом, дает неисчислимое множество этнографических подробностей, рисующих быт русского народа. Как пример пространного, насыщенного бытовыми подробностями об'яснения слов Далем, Грот приводит слово **лапоть**. В академическом словаре, предшественнике далевского, дано самое краткое об'яснение: «Обувь, сплетенная из лык бересты или пеньки» и пример: **«плести лапти»**. У Даля об'яснение дано в развернутом виде: «Лапоть, лапоток, лаптишка, лаптища. Плетеная, короткая обувь, вроде грубого башмака, из лык, иногда из бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это **берестяники, шелюжники, бахоры, ступни, босовики**; из драни молодого распаренного дуба (Черниг. губ.); есть и соломенные (Курск. г.), и пеньковые **купы, крутцы**, из оческов или из ветхих веревок, **шептуны** и **волосяники**, из конских грив и хвостов. **Лапоть** плетется в 5—12 лык, на колодке, кочедыком, и состоит из **плетня** (подошвы), **головы** (переду), **обушника** (боков) и **запятника**; обушник, или кайма, сходится концами на запятнике и, связываясь, образует оборник, род петли, в которую продеваются **оборы**. Поперечные лыка, загибаемые на обушнике, называются **курцами**; в плетне обычно десять **курцев**. Иногда лапоть еще **подковыривают**, проводят по плетню лыком же или паклею; а **писаные лапти** украшаются узорною подковыркою».

Подобное толкование множества слов, богатство фразеологических примеров дают возможность просто читать словарь как интереснейшую книгу — сокровищницу народной речи и мудрости. «Одно простое перелистывание этого словаря, — писал историк литературы А. Н. Пыпин, — есть уже средство к обогащению памяти целым запасом удивительно метких народных выражений». Эта энциклопедия живой великорусской речи давно стала настольной книгой для писателя, ученого, педагога, политического деятеля, — для каждого, имеющего дело с живым словом. В. И. Ленин, который в статье «О национальной гордости великороссов» писал: «Мы любим свой язык и свою родину» (Соч., т. XVIII, стр. 81) и восставал против порчи русского языка иностранными словами, без надобности употребляемыми (Соч., т. XXIV, стр. 662), внимательно просматривал словарь Даля, чтобы свои речи и статьи сделать наиболее доступными самым широким массам.

Н. АШУКИН.

Неудачный маскарад

Об этой книге трудно писать всерьез. Она просится в пародию, в фельетон — настолько старомоден ее стиль, настолько архаичны литературные приемы, которыми она написана. Автор пытается оправдать эти приемы, пользуясь опять-таки не слишком оригинальным методом мистификации: в своем предисловии Лепешинская ссылается на то, что рукопись книги якобы обнаружена ею в семейном архиве и что, по зрелом размышлении, она решила сохранить «старинную манеру письма», так как нецелесообразно «перекраивать несовременную повесть на современный лад».

Этот неудачный маскарад не введет, разумеется, в заблуждение ни одного читателя. Он легко поймет, что перед ним не труд летописца, бесхитростно зафиксировавшего события своего времени непосредственно после того, как они произошли, а произведение нашего современника, пытающегося, хотя и бесплодно, показать прошлое с позиций настоящего.

Как будто весьма «политграмотно» расставлены силы, то-бишь персонажи реального училища в еврейском городке Топчанске, весьма «социологичны» их бесконечные дискуссии и разговоры, на месте — бытовая терминология изображаемой среды и времени. А в итоге — нес'едобный фальсификат.

Сюжет? Можно говорить лишь о слабых признаках его развития. В основном преобладают эпизоды, часто не связанные между собой, но долженствующие в совокупности своей дать картину революционного брожения («зеленый шум!») в провинциальной школе 1910—11 года.

Но в этой картине нет ни исторической правды, ни художественной убедительности, есть лишь, говоря словами Добролюбова, «нравоучительные хвостики», навязчивая, обнаженная тенденция. Чтобы протолкнуть ее, автор охотно пользуется методом нарочитых иллюстраций. Ведь главное — чтобы каждый персонаж был тем, чем ему, по мнению автора, быть полагается, — рупором определенной идеологии. Для этого стоит и логикой пожертвовать. Учитель Славский, например, — нечто среднее между либералом и карьеристом, или то и другое вместе. Эти его «качества» буквально выпирают, он, можно сказать, сам охотно разоблачает себя на каждом шагу, но это не мешает даже школьным «подпольщикам» смотреть на него с умилением, возлагать на него какие-то надежды, даже делать попытки привлекать его иногда в качестве своего сторонника.

Вот другой персонаж — реалист Михельсон. «Об'ективист» «струвианского» толка, он отчетливо демонстрирует свое подленькое нутро труса и двурушника. В докладе на училищном вечере о русской сатире он намеревается взять архирадикальную линию. Но первая реплика того же Славского сбивает его с позиции, рождает в мозгу «страшную» мысль: «а не плачет ли уже мой дипломчик», и он немедленно меняет курс, гнусно клевещет на классиков к вящшему удовольствию директора училища и приглашенных на вечер черносотенцев. Однако товарищи не только не отворачиваются от мерзавца, но и приглашают его в свой нелегальный кружок.

Таких несуразностей в раскрытии психологии персонажей, в показе их отношений — хоть отбавляй. Нередко эти несуразности перерастают в грубейшую карикатуру. Посмотрите, как автор изобличает законоучителя, отца Мисаила. На заседании педагогического совета представитель местной еврейской буржуазии Ицхокин хочет повлиять на о. Мисаила, заставить изменить свою позицию, и он шепчет ему на ухо:

«Ах, кстати, я давно уже собрался передать вам некоторую толику на ваши благотворительные цели, да все как-то забывал».

И дальше — авторская ремарка (заседание совета почему-то показано в форме драматической сценки): «Якобы нечаянно перекладывает толстый бумажник из одного бокового кармана в другой. О. Мисаил с вожделением глядит за путешествующим бумажником».

Беспомощность автора полнее всего сказывается в изображении школьного «подполья» и его деятелей.

Игрушечное подполье! В нем противоестественным образом соединились люди различнейших ориентаций — меньшевистской, эсеровской, сионистской, анархистской и пр., и все вместе они подчиняются идейному руководству... большевика Волохина, которого иначе не называют, как «властитель дум»!

О Волохине все говорят почти с набожным трепетом, ему поклоняются чуть ли не как чудотворцу, люди от соприкосновения с ним «преображаются». Но в чем секрет его величия, в чем выражается его большевистская сущность — мы так и не узнаем. А ведь автор не щадит красок для его возвеличения. Он заставляет Волохина даже на ученической вечеринке думать под аккомпанемент баховских аккордов, — «в каком месте лучше всего будет устроить подпольную типографию». Этот семиклассник ведет себя истым пуританином в отношении влюбленных в него женщин.

Это почти неземное существо во образе топчанского реалиста обладает и другими добродетелями: он почти энциклопедически образован и непринужденно жонглирует именами великих философов и мыслителей; он чуть ли не основоположник новой педагогической системы, — его «педагогической утопии» уделено в повести несколько десятков страниц, причем не без восхищения воспроизводятся вульгарнейшие суждения этого юнца о материнстве в эпоху социализма. В эту эпоху, видите ли, «каждая кормилица будет чувствовать себя нежной матерью всех сосунов, не претендуя на то, чтобы кормить того ребенка, которого она произвела на свет»; и т. п. чушь.

На том же уровне находятся и философические суждения Волохина о революционной морали. Надо прямо сказать, что здесь этот, с позволения сказать, «большевик» смыкается с гнуснейшими клеветниками, заинтересованными в искажении сущности социалистического гуманизма. Волохин признается Римме в том, что он больше любит «людей вообще» и неспособен питать сочувствие к конкретному человеку с его конкретными нуждами. Он чувствует себя «счастливым» при одной мысли о светлом будущем человечества.

«А вот поставьте передо мной Ивана или Сидора, подлинного, живого, совершенно конкретного человека с его слезами, смехом, с его житейскими горестями и радостями, и я боюсь, что у меня нехватит сил и способностей достаточно сочувственно отозваться на его переживания. Я даже по-настоящему не знаю чувства дружбы. Мне оно мало доступно».

Трудно, собственно, определить, чего больше в этих суждениях человека, считающего себя большевиком: тупости или наглой клеветы.

Это не мешает, однако, автору идеализировать своего героя, наградить его, в числе прочих «добродетелей», и даром исключительного красноречия. До чего красиво говорит Волохин! Какие умные словечки закручивает, как возвышенно у него все это получается. Не верь после этого автору, когда он рекомендует Волохина как замечательного массовика.

Жаль только, что самые-то массы в повести начисто отсутствуют, как отсутствуют и какие-либо другие революционные организации, кроме... нелегального школьного кружка «Зеленый шум». Бегло упоминается раза два про существование какого-то комитета.

На таком фоне фигура Волохина начинает, конечно, принимать неестественные размеры и способна кое-кому внушить мысль, что именно Волохины и кружки вроде «Зеленого шума» являлись в годы реакции единственными хранителями священного огня революции.

Мы выше упомянули о пристрастии нашего топчанского чудотворца к красивым словам. Увы, этой особенностью отличаются все персонажи книги, от них не отстает и сам автор. Четыреста страниц повести (четыреста страниц!) — это беспрерывная погоня за красивой и часто бессмысленной фразой, за витиеватым оборотом речи, за искусственной метафорой. Пушкин издевался над литераторами, которые вместо того, чтобы сказать «это молодая хорошая актриса» писали: «сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном». Лепешинская пишет именно в этом духе. Говоря о прекрасном черепе одного из своих героев, она заявляет, что сей череп способен был «приковать восхищенный взор всякого любителя мять в руках послушную глину». А почему не сказать просто «скульптора»?

«По запоздавшим гостям пробежал призрак ликвидационного настроения», из широких глаз девушки «струился поток из смеси беспредельного гнева, горькой обиды и девичьего стыда», в душах водятся «пташки поэзии и горячего чувства счастья» и т. п.. О глазах Риммы Марлис автор говорит следующим стилем:

«И никак не поймешь, что же таится там, в глубине этих черных глаз: заратустровский ли взгляд сверху вниз на человеческий муравейник, безмолвие загадочного сфинкса или тихая, неотвязная скорбь».

В том же стиле описан концерт:

«Кто знает, что преобладает в его музыке: тоска ли о безвозвратном, воспоминанья ль о чем-то далеком, далеком, что, может быть было, а может, и не было никогда, жажда ли ласки материнской, растворенье ль укрощенного и умиленного духа во вселенской любви, трепет ли души перед бледным призраком небытия, трагедия ль неугасимого и никогда неудовлетворяемого желания или одно смешанное из всех этих элементов, но неразложимое чувство».

Такими перлами книга насыщена до краев. Они, пожалуй, лучше всяких критических комментариев характеризуют художественный и идейный уровень повести. Кажется диким, невероятным, что такой бред издан десятитысячным тиражом.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

О. Лепешинская. «Зеленый шум». Стр. 411. Цена 5 руб. Гослитиздат 1937 г.

О. ВОЙТИНСКАЯ

Поучительная история

Ныне разоблаченные украинские националисты и авербаховские молодчики усиленно рекламировали драматурга Микитенко. Оно и понятно. Микитенко был проводником троцкистско-авербаховских лозунгов на Украине.

Совместно с врагами народа Хвылей, Куликом, Коваленко и Пронем он немало «потрудился», чтобы навредить украинской литературе. Авербаховщина была своеобразной школой двурушничества, беспринципности и безнравственности для драмоделов типа Киршона и Микитенко. С точки зрения буржуазного дельца, преуспевать в жизни может только себялюбец, человек, строящий свое личное благополучие вопреки интересам окружающих. Разве Киршон и Микитенко любили литературу? Нисколько. Литература была средством для обделывания своих грязных делишек, трамплином для совершения «карьеры». Это они травили талантливых, преданных социалистической родине писателей и всякими нечестными путями продвигали свои плохие пьесы. Микитенко, наредкость бездарный драмодел, из года в год выпускавший приспособленческие пьесы. Но в этой беспардонной халтуре была определенная и весьма вредная политическая тенденция. Она выражалась в том, что Микитенко клеветнически опошлял дела и людей эпохи социализма. Великий подвиг борьбы народных масс за идеи Ленина и Сталина нарочито рисовался лубочными красками.

Киршон и его друг Микитенко пытались спекулировать на высоких социальных чувствах советского гражданина. Как правило, они писали на злободневные темы. Однако все эти якобы актуальные, произведения несовременны и нарочито искажают нашу действительность. У Микитенко есть пьесы на любую актуальную тему. Тут и «диктатура», тут и «девушки нашей страны», тут пьеса о классовой борьбе в вузах и пьеса о вреде ревности. Микитенко с необычайной легкостью пера пишет на любую заданную тему. Но не видишь в пьесах Микитенко честного художника, правдиво изображающего жизнь. Именно поэтому ситуации надуманы, персонажи лишены всякой индивидуальности. Герои Микитенко выдаются им за стахановцев, а на деле представляют собою героев старой лубочной литературы в новом социальном обличье. О художественном уровне творений Микитенко свидетельствует его новая пьеса «Дни юности». В этой пьесе все герои, включая семидесятилетнюю бабушку, произносят патетические речи о вреде ревности.

Автор решил показать новые отношения мужчины и женщины.

Семнадцатилетняя звеньевая колхоза Оксана с первого взгляда полюбила некоего Ивана Цупруна. В ремарке от автора значится: «Оставшись вдвоем с незнакомой девушкой, Иван чувствует себя, как теленок на льду. Оксана же смотрит на него, как цветок на солнце,— наивно и нежно».

Этот наивный цветок начинает вести бешеное наступление на Ивана. Но Иван ее не любит и произносит длиннейшие речи о пользе шестигранной ржи. В изображении Микитенко эта сцена первой встречи выглядит так:

«Иван. Надо работать. Надо итти вперед, вперед! У всех нас — великая цель, выше ее нет на свете. И мы должны итти к ней... итти не останавливаясь. А ты говоришь, что я смеюсь. Нет! Я не смеюсь. Я... я серьезно говорю: итти вперед, несмотря ни на что, итти, пока не зацветет шестигранная рожь.

Оксана (смотря на него зачарованными глазами). Я буду итти, Ваня! Буду итти... и звено мое зацветет... итти... я знаю... верю... у меня сердце полно этой веры... полно сердце до краешка, и никогда оно не уронит ее. Никогда!..

Занавес».

Известно, что тургеневские девушки поэтически чувствовали, поэтически любили. По законам приспособленческой литературы в Советской стране все должно быть наоборот. Микитенко представляет советских женщин этакими развязными куртизанками.

Микитенко заставляет свою героиню повести циничное наступление на Ивана. Под сие подводится «идеология».

Из 4-й картины под названием «Жизнь не слепа» зритель узнает, что Оксана прислала Ивану письмо. Не получив ответа, она приезжает прямо в комнату к Ивану с дедом и чемоданом (это после одного разговора и одного письма). Оксана находит в комнате Ивана женский гребешок, и дед советует ей уйти. Микитенко решил, что это незаменимый повод для произнесения длиннейшего монолога о необходимости стахановской работы:

«Оксана (после паузы). Если бы, дедушка, я так отступала, то я и звеньевой бы не была». Далее снова произносится патетическая речь о шестигранной ржи и женских гребешках.

Монолог заканчивается словами: «Будто у нас жизнь слепая и надо всему покоряться, что ни увидишь. Нет! Я остаюсь здесь! (Опускает посреди комнаты свой чемодан и садится на него)».

В 3-м действии Иван сообщает, что он женится на Оксане, а дед ее, Шумейко, приглашает всех на свадьбу своей внучки. Нетрудно доказать, что эта фальшивая пьеса клеветнически оглупила и опошлила замечательную нашу молодежь.

Приспешники Микитенко всегда уверяли, что недостатки его пьес искупаются преданностью автора идеям коммунизма. А на проверку оказывается, что Микитенко на глазах у всех гадил. Микитенко кричал о своей борьбе против троцкизма, а на деле был полпредом троцкизма в литературе.

Литературная общественность Украины на ряде собраний выразила Микитенко свое политическое недоверие.

Недавно на партийной группе правления союза советских писателей обсуждалось дело Микитенко.

Микитенко пытался доказать, что он ни в чем не виноват. Но факты и дела изобличают этого изолгавшегося человека.

Враги протащили Микитенко в партию (4 поручителя разоблачены как враги народа, пятый — исключен за связь с врагами народа). Он работал с врагами, дружил с врагами и работал по указке врагов.

«Положение ужасное и тяжелое!», — воскликнул он, видя, что маска сорвана. Да, положение приспешников врагов тяжело. Советский народ един во всепобеждающей борьбе против тех, кто стоит на его пути.

После очистительной работы будет легче дышать и творить в украинской литературе.

Но в истории Микитенко есть очень много поучительного. Как могло случиться, что на могучем теле украинского искусства долгое время паразитировал чужой человек? Почему статьи о нем по нескольку месяцев валялись в редакциях газет? Почему партгруппа союза писателей, зная о связи Микитенко с Авербахом, с таким запозданием потребовала его к ответу? Тут есть над чем призадуматься союзу писателей.

Трибуна читателя

Снова об оборонной литературе

Л. Рубинштейн (см. «Литературную газету» от 10 сентября 1937 г.) совершенно правильно утверждает, что «писателю необходимо знать и изучать военное дело».

Но беда многих литераторов не только в том, что они плохо знают и изучают военное дело, а и в том, что они плохо знают людей Красной Армии, они оторваны от красноармейской массы. Побудет иной писатель два-три дня с частями на маневрах, смотришь — вышла бесцветная книжица с «баталиями», описаниями природы, фамилиями, но без раскрытия характеров и их действий. Ясно, что так не создашь оборонной литературы и особенно литературы о сегодняшней Красной Армии.

Большинство наших писателей совершенно не задается целью создать произведение, которое привлекло бы внимание масс к военным вопросам. Они не представляют себе важности оборонной литературы, которая должна закрепить в сознании трудящихся СССР и всего мира исторические слова Сталинской Конституции:

«Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР».

«Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние».

Непонимание роли оборонной литературы приводит к недооценке ее, к созданию условий для вредительских, враждебных «теорий» эйдеманов и других негодяев и предателей нашей родины, утверждавших, что «всякая литература в наших условиях — оборонная».

Не секрет ведь, что эта враждебная «теория» была бессознательно использована не одним честным писателем для оправдания своего отхода от работы на фронте оборонной литературы. Они поддались на провокацию врага, об'ективно помогли ему бороться против создания полнокровной оборонной литературы. И потому здесь сейчас зияющий провал, а у многих писателей кроме того зияющий провал в знании и изучении военного дела и славных людей и дел Красной Армии.

Отсюда ясны причины военной неграмотности многих наших писателей.

Примером такой неграмотности может послужить книга т. Вашенцева «Канны», разбор которой происходил в ленинградском Доме писателя.

Неоспоримо, что т. Вашенцев много работал над книгой, но он не оправдал ее названия: «Канн» не делает один батальон.

На разборе т. Вашенцеву указали ряд «мелочей», которые могут подорвать доверие читателя к автору, а, значит, и к произведению. Возьмем хотя бы следующее: батальон действует в тылу у «противника», а под'ем бойцов производится по сигналу трубы, точно в лагерях или на зимних квартирах. Если т. Вашенцев изучил бы эту «мелочь» (под'ем в тылу «противника»), то книга только бы выиграла, а не настраивала бы читателя на беспечность и пренебрежение к сохранению военной тайны.

Писатели обсуждали произведение больше с литературной стороны (сюжет, план, композиция, язык и пр.) и этим расписались в своем незнании военного дела, военной и общей истории. А это значит, что они расписались в бессилии разоблачить врагов, «литературных» диверсантов и т. п.

Какой же путь должны избрать писатели, чтобы дать новые оборонные произведения, не уступающие лучшим книгам советской литературы?

Самое лучшее, конечно, итти в Красную Армию, слиться с ней, жить ее жизнью, работой, думами, радостями и заботами, недостатками и победами, жить вопросами, связанными с обороной страны.

Второй путь: литераторы должны способствовать выращиванию писателей в рядах Красной Армии.

Советские писатели должны пойти в газеты округов (флотов) и помочь там регулярно давать литературные страницы и отдельный литературный материал; наладить работу литературных кружков в РККА; организовать систематическую помощь (консультации и др.) красноармейским писателям; помочь красноармейским писателям и самим принять активное участие в подготовке к 20-й годовщине Красной Армии, в частности, в сборе фольклора Красной Армии времен гражданской войны и мирного периода. Всю эту работу должны возглавить и начать ПУР, окружные газеты и оборонная комиссия ССП, которую надо возродить и сделать работоспособной и жизненной.

Вот что, по нашему мнению, надо сделать, чтобы советские писатели знали и изучали военное дело, чтобы в самой Красной Армии выросли писатели и в СССР появились «новые оборонные произведения, не уступающие лучшим книгам советской литературы». Все это требует повышения классовой бдительности, борьбы и выкорчевывания из писательской среды «окололитературных», «литературных» и иных диверсантов и предателей, агентов презренной троцкистско-зиновьевско-бухаринской банды.

Старший политрук А. СЕМЕНОВ.

Выпускник Военно-Политической академии.

Вагнер и его чорт Ацеросан.
С гравюры Кристофа Зихема. 1608 г.

Договор Фауста с чортом.
С гравюры Кристофа Зихема. 1608 г.

Издательство «Academia» готовит к печати книгу «Фауста», в которую войдут догетевские произведения о Фаусте: «История д-ра Фауста» Шписа, «Жизнь Фауста» Лессинга, «Фауст» Мюллера, «Жизнь, деяния и гибель Фауста» Клингера, «Фауст» Марло и кукольные представления и народные фарсы. Книга иллюстрируется гравюрами XVI—XVIII столетий.

Правда об Австралии

«Высадка в Австралии», выходящая в ближайшие дни на русском языке*, — это собственно не одна, а две книги Эгона Эрвина Киша об Австралии, единые по своему содержанию, но разные по стилю. И первая из них — «Дорога к антиподам» — показывает нам Киша в новом для него, может быть, в новом вообще жанре. Ибо трудно определить, что это, — яркий памфлет или необычайные мемуары.

Эгон Эрвин Киш сумел сочетать в этом произведении свой талант мастера художественного репортажа с бичующей сатирой, пронизав каждое слово страстностью борца, которая порою скрыта за уничтожающей усмешкой презрения. И, может быть, ни в одном другом произведении, как в этом, не слились воедино Киш — художник и Киш — антифашистский боец.

В октябре 1934 года Анри Барбюс короткой запиской вызвал Эгона Эрвина Киша из Версаля, где он жил, в Париж. Эгону Эрвину Кишу было тогда 49½ лет. Через полгода передовая литература мира праздновала пятидесятилетие со дня рождения Эгона Эрвина Киша, и Анри Барбюс в своем приветствии юбиляру писал: «Кто же более достоин уважения, чем этот талантливый и энергичный человек, так превосходно понявший подлинную роль писателя, социальную миссию художника. Он превратил репортаж в искусство непосредственного наблюдения, и картины и фрески, выхваченные им из великой панорамы самой жизни, — в полноценный литературный жанр. И свой талант, так же как свое мужество и упорство бойца, он принес на службу великому делу освобождения человечества, делу социалистической справедливости».

Но в то октябрьское утро речь Барбюса, обращенная к Кишу, была менее торжественна и еще более лаконична. Барбюс предложил ему выехать на следующий день в Австралию делегатом на антифашистский конгресс.

За год, предшествовавший этому разговору, Киш побывал в Чехословакии, Франции, Англии, Швейцарии, Испании и Голландии, за свою пятидесятилетнюю жизнь он об'ездил почти все страны мира. Мог ли Киш отказаться от поездки в Австралию, где он еще никогда не был? И через несколько дней он уже плыл на пароходе «Стратхэрд» к негостеприимным берегам Австралии.

Мы помним сенсационные газетные телеграммы, сообщавшие о том, что невпущенный австралийскими властями Киш спрыгнул с палубы, с высоты восемнадцати футов на австралийскую землю. Но в том, что мы узнаем из книги Эгона Эрвина Киша, этот прыжок является лишь незначительным эпизодом в цепи «приключений и подвигов» Киша.

Впрямь, для будущего историка капиталистических нравов нужно было бы сделать специальную оговорку, что все написанное в этой книге — сущая и неприкрашенная правда, дабы у него не появилась охота сравнивать это произведение с «Удивительными приключениями барона Мюнхгаузена», — настолько поистине невероятно то, что в нем описывается.

В самом деле, кто поверит, что в XX веке в Австралии существовал закон, согласно которому каждый при высадке на австралийский берег должен был подвергнуться испытанию — диктанту на каком-либо европейском языке, и что тех, кого не хотели впустить, заставляли писать диктант на гэльском языке — кельтском наречии, давно вышедшем из обихода именно вследствие колониальной политики, проводящейся в Австралии?

Киш-художник, описывая пережитое, не прибегает к специальным приемам, он только воспроизводит те диалоги, которые происходили между Кишем-бойцом и представителями австралийских властей. Именно в этих диалогах он своим острым и бесстрашным словом бичевал австралийские порядки и именно благодаря этому его сатира действует с особенной силой.

«По-гэльски? — громко кричит наш путешественник, чтобы публика за окном знала, что здесь происходит. — По-гэльски? Вы ставите, в смешное положение всю Австралию!»

И действительно, вся Австралия поставлена в смешное положение. В особенности, когда узнаешь затем, как на протяжении недель шла дискуссия в судебных инстанциях: является ли гэльский язык европейским языком, — и все это во имя того, чтобы не пустить на территорию Австралии одного антифашиста.

И в не менее смешное положение ставит Австралию другая дискуссия. Киш, как известно, спрыгнул на берег. Его там схватили и водворили обратно на пароход. И его защитник мистер Пиддингтон, ставит вопрос так: не может быть речи о том, пустить ли его на берег или нет, раз он был у нас на берегу. И он выдвигает обвинение против капитана парохода, похитившего человека с берега и упрятавшего его на пароход.

И разве не ставит в смешное положение всю Австралию тот факт, что два делегата на антифашистский конгресс — Эгон Эрвин Киш из Европы и Джеральд Гриффин из Новой Зеландии, несмотря на все противодействие властей, находятся на берегу, выступают на митингах, а власти не только не могут помешать этому, но вынуждены пустить утку, будто выступающий на митингах Гриффин — не настоящий Гриффин?

Приезд Киша в Австралию совпал с празднованием столетнего юбилея Австралии, на которое приезжали именитые английские гости — герцог Глостер, сэр Морис Хенкей, фельдмаршал лорд Милон и т. д. И разве опять-таки не насмешка над всей Австралией, что недопущенный на берег Эгон Эрвин Киш триумфально проезжает в сопровождении тысячной толпы в усыпанном цветами грузовике по улицам, пышно декорированным в честь знатных англичан, и толпа под звуки революционных песен срывает транспаранты с надписью «Добро пожаловать» в честь герцога Глостера и прикрепляет их к грузовику антифашистского делегата?

И разве не насмешка, что государственного прокурора мистера Мензейса, заявившего, что он не отменит приговора, «дипломатически» посылают в Англию, а с Кишем начинают переговоры, чтобы он добровольно уехал из Австралии?

Каждая строка этой книги — злая убийственная насмешка, неотразимая пощечина, смело и дерзко наносимая неустрашимым антифашистским писателем тем, кто бережно, но беспомощно охраняет ветхие вековые устои Британской империи в ее австралийской колонии.

Но значение книги этим не исчерпывается. Киш меньше всего склонен к описанию своих собственных подвигов. Книга проникнута подлинной скромностью, и читатель чувствует, что он рассказывает о себе лишь для того, чтобы крепче ударить по врагу. Все эти рассказы подчинены основной цели — показать рост революционного сознания масс Австралии.

Это они помешали австралийским властям не пустить Киша на берег, это благодаря им он не был оставлен в камере австралийской тюрьмы.

Это они охраняли Киша и Гриффина, когда они выступали на митингах, в то время как полиция охотилась за ними.

Это они, белые и туземные вместе, впервые в истории Океании организовали факельное шествие по улицам Мельбурна, требуя: «Освободите Тельмана!»

Это они заполнили стадион, чтобы услышать взволнованные слова представителя лейбористов Блекборна: «Мы, австралийцы, гордились тем, что живем в свободной стране; но судьба двоих делегатов на антивоенный конгресс показала каждому из нас, что Австралия больше не свободная страна и что даже остатки ее свободы под угрозой». И они жадно внимали призывам Киша и Гриффина.

Поистине необычайны эти «мемуары» неистового репортера, показавшего себя и мастером и мужественным бойцом.

Во второй части своей книги Эгон Эрвин Киш показал, что всегда и везде он остается неистовым репортером. Он заклеймил не только капиталистические порядки сегодняшней Австралии, он обнажил ее вековую историю, которую искусно извращали. Он рассказал о книге Георга Форстера, сына Иоганна Рейнгольда Форстера, ездившего с Джемсом Куком к австралийским берегам, о книге, которой нет даже в Митчеллской библиотеке, где собрано как будто все написанное об Австралии, о книге, которую бережно прячут, потому что автор ее был проникнут идеями французской революции и видел людей в австралийских дикарях.

Киш рассказал о пожарах в джунглях, которые устраивали официально, когда нужно было выловить спрятавшихся там преступников. Он рассказал о тысячах австралийцев, которых империализм обрек на смерть в борьбе против буров, а затем в сражении за Галлиполи, обещанный русскому царю, о чем знают немногие, так как архивные документы, опубликованные после Октябрьской революции, были скрыты австралийской печатью.

Эгон Эрвин Киш рассказал о судьбе тысяч людей, брошенных сюда из Англии в качестве осужденных преступников. Это они создали все богатства Австралии, это они находили золото, добывали уголь, размножали овец. А разве о них кто-нибудь вспоминает в сегодняшней Австралии? Разве на какой-нибудь мемориальной доске можно найти имя каторжника Френсиса Гринуэя, строителя Сен-Джемса — лучшего здания Сиднея?

Жутью веет от рассказов о варварстве колонизаторов.

Из полумиллиона туземцев, насчитывавшихся к началу насаждения «цивилизации», осталось всего каких-нибудь шестьдесят тысяч. И памятником колонизаторам высится кол на каторжном острове Пэнчгат: на этом колу поднимался «человеческий флаг» — повешенный висел до тех пор, пока его место не должен был занять другой.

И не только о прошлом рассказывает Киш. На костылях поднимался он по высоким и широким лестницам дома профессиональных союзов в Мельбурне, чтобы потом разоблачить «материк профессиональных союзов», «континент наивысшей заработной платы», «страну социальных чудес», как называют Австралию ее лейбористские заправилы.

И он разоблачает классовую сущность лейбористов в главе «Иллюстрации к цитате из Ленина», показывая на фактах, насколько верно ленинское определение: «Австралийская рабочая партия даже и на словах не является социалистической партией. На деле это — либерально-буржуазная партия, а так называемые австралийские либералы, это — консерваторы» (т. XVI, стр. 482).

На костылях отправляется он в Ньюнес, куда в'езд воспрещен и почти невозможен, и рассказывает, как английские капиталисты заставили прекратить там добычу сланцевой нефти, столь необходимой стране, и обрекли на голод тысячи рабочих. Он об'езжает угольные районы, его на носилках спускают в шахту под морем, и он в волнующих строках описывает полуголодную жизнь тех, кто добывает уголь из мрачных подземелий, залитых водой океана.

Можно опасаться, что в Митчеллской библиотеке, где собрано все написанное об Австралии, не найдется места и для этой книги Эгона Эрвина Киша. Но трудящимся всего мира она расскажет правду о материке, о котором известно так мало правды.

Рядом с новой книгой Киша пред нами лежит вырезка из немецкой антифашистской газеты «Deutsche Volkszeitung». В ней телеграмма из Мадрида: «Эгон Эрвин Киш об'езжает фронты испанской гражданской войны. Он об'ехал передовые позиции центрального фронта... Киш, который опишет героическую борьбу защитников Мадрида в своей новой книге, в течение долгих часов слушал в окопах рассказы товарищей...».

Неистовый репортер не мог не очутиться в эти дни в том уголке мира, куда направлены все взоры передового и прогрессивного человечества. Неутомимый антифашистский боец ринулся на передовые позиции борьбы с фашизмом. И, несомненно, новая книга его расскажет миру правду о великой борьбе испанского народа.

М. ЖИВОВ

Эгон Эрвин Киш. «Высадка в Австралии». Пер. с нем. В. Станевич, Журн.-Газ. Об'ед. М. 1937. стр. 366, ц. 2 р. 50 к.

ИЗ ПРОШЛОГО

Новые документы о Толстом

Последние годы жизни Л. Н. Толстого были для него самыми суровыми.

Черносотенные представители реакции в годы, наступившие непосредственно после трепововского «патронов не жалеть», изощрялись в самой грязной и непристойной клевете по адресу великого писателя.

Все было предано проклятию: Толстой-художник расписался вместе с Толстым-философом. Погромщики буквально хрипли от той анафемы, которой они предавали человека, так много прибавившего к славе своей родины.

В это именно время, 18 марта 1908 г., несколько либеральных депутатов сделали заявление Московской городской думе по поводу предстоящего 80-летия со дня рождения Л. Н. Толстого (28 августа 1908 года) и предложили ознаменовать юбилей чествованием писателя.

Рассмотрение этого вопроса дума передала в «Комиссию о пользах и нуждах общественных».

Слухи о том, что дума решила чествовать Толстого, разнеслись по Москве.

Зашевелились поповщина, состоялись почти повсеместные собрания «союза русского народа». Толстой стал получать оскорбительные письма. В результате он вынужден был решительно высказаться против какого бы то ни было празднества в его честь.

Самое письмо Толстого было написано в духе его философии «непротивления злу».

Отказавшись от непосредственного выражения «чувства любви и благодарности, преклонения перед талантом» писателя, думская комиссия обратила внимание думы на общественную сторону юбилея, предложив отметить его учреждением библиотеки-читальни им. Толстого, наименованием одной из городских школ его именем и, наконец, организацией в самый день юбилея чтений художественных произведений и биографии Толстого во всех школах Москвы.

7 мая 1908 г. доклад комиссии был поставлен на обсуждение думы. Воспользовавшись письмом самого Толстого, реакционная часть членов думы предложила снять доклад с обсуждения. Разгорелся спор. И тогда, как записано в протоколе думы, «во время прений по вышеизложенному докладу гг. гласные стали расходиться»...

Обсуждение доклада было отложено «до ближайших очередных собраний».

Тогда московский митрополит запросил московского городского голову Н. Гучкова: правда ли, что дума обсуждала вопрос о юбилее Толстого.

А преображенско-черкизовский отдел «союза русского народа» решил принять все меры для отмены чествования «открытого врага и хулителя церкви и самодержавной власти». **(Из письма к Гучкову).**

В дело вмешался и московский генерал-губернатор.

Воспользовавшись своей властью, он просто-напросто запретил обсуждение в ней каких бы то ни было вопросов, связанных с чествованием, «так равно не нашел возможным допустить предположенные в городских школах чествования». Занятия в них 28 августа не должны были прекращаться, а «итти обычным порядком без всяких специальных чтений и бесед». **(Из отношения генерал-губернатора московскому городскому голове).**

Мотивировалось это впоследствии желанием «предупредить нарушение порядка, могущего возникнуть по случаю этого чествования».

Получив это приказание, дума больше не занималась вопросом чествования Толстого.

Правда, было решено принести жалобу в сенат на действия генерал-губернатора, но здесь дума вступалась скорее за свой попранный престиж, чем за честь Толстого.

Как легко догадаться, правительствующий сенат жалобу думы нашел не заслуживающей уважения и решил «оставить ее без последствий».

Так кончился вопрос о чествовании великого писателя. Иного конца и трудно было ожидать по тому времени.

Через два года измученный морально и больной физически гениальный художник слова умер на глухой железнодорожной станции.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция вернула народу писателя Толстого, великого художника-реалиста, подняла на недосягаемую высоту уважение к его имени, распространила в сотнях тысяч экземпляров его произведения.

ЧЕР.

Документы будут опубликованы в журнале «Красный архив».

На секретариате ССП СССР

Помощь дальневосточной организации

На заседании секретариата ССП 2 октября был заслушан доклад А. Исбаха, обследовавшего, по поручению правления ССП, дальневосточную организацию союза.

Докладчик сделал обзор молодой дальневосточной поэзии, отметив ряд формалистских вывихов даже у наиболее одаренных ее представителей — В. Афанасьева, А. Газа, С. Бытового.

В области прозы в качестве положительного явления необходимо отметить вышедшую книгу «Колымские рассказы» Фетисова. Последний — журналист и не является членом союза.

Наиболее сильным писательским отрядом дальневосточной художественной литературы являются еврейские писатели Биробиджана. Ими регулярно выпускается толстый журнал «Форпост».

В дальневосточной писательской организации царит расхлябанность, отсутствует работа с молодыми писателями. Литературный журнал выходит нерегулярно. В 1937 году вышли всего две книги.

Секретариат постановил **снять с поста уполномоченного правления ССП на Дальнем Востоке Михаила Алексеева** и принять меры к укреплению дальневосточной писательской организации.

Секретариат одновременно констатировал неудовлетворительность работы комиссии правления по Дальнему Востоку в составе Павленко, Фадеева и Исбаха.

Исключение Марьенкова

Как сообщалось в «Литературной газете», секретариат на одном из прошлых заседаний решил воздержаться от окончательного решения вопроса о пребывании смоленского писателя Марьенкова в рядах ССП впредь до получения о нем дополнительных сведений.

Эти дополнительные сведения, полученные сейчас секретариатом, вполне подтвердили то, что уже было известно о «жизни и творчестве» Марьенкова. Секретариат постановил исключить Марьенкова и поручил выступить с докладом об этом на ближайшем заседании президиума ССП т. С. Вашенцеву.

О поэте А. Твардовском

На том же заседании секретариата было заслушано сообщение бюро секции поэтов о поэте А. Твардовском. Бюро секции поэтов в своем постановлении признало правильными сигналы смоленской писательской общественности и выступление т. Жига в «Литературной газете» по поводу недостойного поведения А. Твардовского.

Решительно осуждая поведение Твардовского на собрании смоленских писателей, его попытку переиздать свою поэму «Страна Муравия» с вставками, исключенными из первого издания, бюро секции считает, что Твардовский обязан своей дальнейшей творческой работой и своим общественным поведением исправить допущенные им ошибки.

Секретариат, одобрив это решение, постановил опубликовать его в печати.

История библиотеки МГУ

Научная библиотека им. Горького Московского государственного университета основана в 1756 г. Обладая богатейшими книжными фондами, она является старейшей научной библиотекой СССР и занимает одно из первых мест среди научных библиотек нашей страны.

Во время пожара 1812 г. университетской библиотеке удалось спасти всего несколько десятков своих наиболее редких книг. Дальнейшее пополнение библиотеки шло за счет пожертвований и покупки частных библиотек. Здесь оказались библиотеки: семьи декабристов Муравьевых, публициста А. И. Тургенева, известного литературоведа Т. Н. Грановского, племянника известного баснописца писателя М. А. Дмитриева, часть библиотеки самого баснописца И. И. Дмитриева и др.

Эти книжные фонды представляют собой богатейший материал для изучения истории культуры нашей страны.

К двадцатой годовщине Великой социалистической революции библиотека подготовляет **художественно оформленный альбом-выставку,** освещающий весь путь ее развития.

Альбом будет состоять из 80 листов. Около 30 листов иллюстрирует дореволюционную историю библиотеки, остальные 50 посвящены советскому 20-летию существования библиотеки, когда Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в истории библиотечного дела в нашей стране.

К двадцатилетию Великой Социалистической революции Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР организует выставку фотоискусства. На снимке: один из экспонатов, представленных на выставку, — фото С. Шиманского: **колхозник-музыкант, участник районной олимпиады самодеятельного искусства Г. Г. Коваль играет на сопилке** (с. Каменка, Молдавской АССР). (Союзфото)

«Витязь в тигровой шкуре»

Издание Академии наук СССР

Величайшее произведение грузинского и мирового эпоса, поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» выходит в издательстве Академии наук СССР.

Выход поэмы приурочен к 750-летию со дня рождения поэта, которое будет праздноваться 11 декабря 1937 г.

«Витязь в тигровой шкуре» увидит свет в новом переводе, выполненном безвременно погибшим поэтом Петренко и грузинским поэтом Чичинадзе. По своим художественным качествам и по приближению к оригиналу этот перевод стоит гораздо выше старого перевода К. Бальмонта.

Особенный блеск придают изданию иллюстрации художника С. Кобуладзе. В них много фантазии, силы, изящества. Прекрасно удался художнику образ могучего и гордого Тариеля и очаровательной красавицы Нестан Дареджан.

Но особенно удался Кобуладзе многокрасочный портрет самого великого Шота. Гениальный поэт изображен пишущим свою поэму.

Грузинское декоративное искусство легло в основу оформления книги, выполненного художником Э. Керфельдом.

Издание поэмы редактирует академик И. А. Орбели. Художественную редакцию осуществляет И. И. Лазаревский.

Книга содержит около 40 печатных листов. Шрифт, которым она набрана, выполнен специально для этого издания.

Мастерские Гознака работают над исполнением иллюстраций; бумажные фабрики — над особой бумагой, на которой они будут напечатаны.

Знаменитая поэма выйдет в достойном ее оформлении.

Что за летчик?

Мы стояли на Тверской
И глядели в небеса,
Где, как птица, небольшой
Самолет круги писал.
Он срывался и взлетал,
Кувыркался и петлил,
И над нами пролетал,
И под тучу уходил.
Мы следили с восхищеньем.
Мы гадали с нетерпеньем:
Что за летчик?
Кто такой?
И не Громов ли герой?
Не Юмашев ли стремится
Мировой побить рекорд?
Тут подходит к нам девица,
Говорит: «Наоборот,
Это — вижу по повадке,
По машине голубой —
Просто Петя Куропаткин.
Мы с ним с фабрики одной.
Приходите завтра в пять,
Завтра мой черед летать...
. . . .
Кружит в небе самолет.
Солнце светит.
День поет.

Ал. ГОЛЬДБЕРГ.

Вопросы критики

Ни в одной из секций ССП выборы бюро не проходили так вяло, как в секции критиков. Три собрания потребовалось для того, чтобы новое бюро было избрано в полном составе, и ни на одном собрании голос критиков не прозвучал с надлежащей силой, актуальнейшие вопросы нашей литературной современности не были поставлены с должной остротой и отчетливостью.

Некоторые признаки оживления можно было наблюдать лишь на последнем собрании (2 октября), после того, как т. В. Ставский в своем информационном сообщении подвел некоторые итоги борьбы с последствиями вредительства в литературе и наметил линию дальнейшей работы ССП в создавшейся политической обстановке.

Говоря о задачах критики в настоящий момент, тов. Ставский в первую очередь поднимает вопрос о методах распознания врагов, орудующих в литературе. Здесь они, как показывает практика ряда изобличенных негодяев, пользуются самыми тонкими формами маскировки.

Из этого следует вывод: необходимо лучше знать состав союза, людей, продукция которых выпускается на книжный рынок, знать их политическое лицо, глубже изучать их творческую биографию. Лишь при такой постановке вопроса ССП сумеет очистить свои ряды. В этом направлении президиум союза уже развернул работу, дающую очевидные результаты.

Та же задача стоит непосредственно перед самими секциями, в частности перед секцией критиков. Как известно, немало врагов орудовало и на этом участке литературы. Многих удалось разоблачить, но на этом не следует останавливаться. Работа должна итти дальше — по линии освобождения секции не только от явно враждебных, чуждых элементов, но и от людей просто беспринципных, безответственных. Необходимо, например, разобраться в деле критика Алперса. Случайно ли то обстоятельство, что рекомендацию для приема в союз он получил от трех врагов народа — Пикеля, Амаглобели и Оружейникова?

Выступившие тт. И. Луппол, М. Серебрянский, Ф. Левин, М. Розенталь, И. Нусинов, А. Фоньо поддержали мысль т. Ставского о необходимости самой решительной активизации критического фронта, оживления работы секции, расширения сферы ее влияния. Недопустимым представляется всем то обстоятельство, что критики совершенно обходят вниманием такие важные участки, как детская литература, эстрада, не ставят проблему маленького рассказа, так успешно культивируемого «Правдой», замалчивают важнейшие явления в западной литературе. Резко критикуя бездеятельность критической секции, за что немалую долю ответственности несет и руководство ССП, — ораторы отмечают, как главный провал секции, то обстоятельство, что к двадцатилетию Великой социалистической революции не удалось создать и выпустить популярную историю советской литературы.

Были отмечены также недостатки ряда литературных органов, в частности «Литературной газеты», которая, по справедливому замечанию т. Серебрянского, могла бы стать значительно лучшей газетой, если бы крупнейшие советские критики активнее включились в ее работу, а не держались бы в стороне, как это нередко наблюдается.

Единодушный отпор дало собрание тов. П. Рожкову, выступившему с обычными для этого критика капитулянтскими причитаниями. Правильно критикуя секцию, как организацию, в значительной мере фиктивную до последнего времени, Рожков размахнулся, однако, на советскую критику в целом и договорился до клеветнических утверждений о ее «банкротстве», о ее зависимости от враждебных влияний и т. п.

Тайным голосованием в бюро доизбраны тт. В. Гоффеншефер и Н. Бродский. На предыдущем собрании, как уже сообщалось в «Л. Г.», в состав бюро были избраны тт. М. Розенталь, Ф. Левин и И. Альтман.

ЯР.

Красная Армия в живописи

Выставка «XX лет РККА»

К двадцатилетнему юбилею Рабоче-Крестьянской Красной Армии в феврале 1938 года, по инициативе народного комиссара обороны СССР маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, **в Москве откроется большая художественная выставка «XX лет РККА».**

В ней примут участие около 300 художников нашей страны.

На выставке в произведениях живописи, графики и скульптуры будут отражены роль коммунистической партии и ее вождей — Ленина и Сталина в создании Красной Армии, роль замечательных полководцев М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилова, высокая культура и мощь красных частей.

Ряд произведений изобразительного искусства будет посвящен дням героической борьбы Красной Армии, ее славным героям, их беспримерным подвигам в защите социалистической родины.

На многочисленных полотнах посетители будущей выставки увидят техническую вооруженность и боевую подготовку нашей армии, познакомятся с бытом и высокой культурой бойцов и командиров самых разнообразных видов оружия — морского флота, авиации, пехоты, моторизованных частей, кавалерии.

Художник А. Моравов готовит картину **«Ленин и Сталин у прямого провода».**

Портреты вождей партии и правительства готовят заслуженные деятели искусств А. Герасимов, И. Бродский, И. Грабарь и др.

Заслуженный деятель искусств орденоносец А. М. Герасимов пишет монументальную картину **«Первомайский парад».**

«На берегу Москва-реки в день праздника авиации на Тушинском аэродроме» — тема живописного полотна, над которым работает заслуженный деятель искусств художник К. Ф. Юон.

Серию картин, посвященных **борьбе за освобождение Дальнего Востока** от японских интервентов и белогвардейских банд, покажет на выставке художник Машкевич.

Легендарному полководцу, борцу за освобождение Украины, славному большевику **Щорсу** посвящает три живописных холста художник П. П. Соколов-Скаля. Одна из картин художника показывает принятие Щорсом командования над богунцами и таращанцами, составившими героическую 44-ю дивизию.

Художник П. Котов выставляет картину **«Перекопский бой».**

Е. Кацман пишет **портреты тт. Орджоникидзе и Буденного.**

В выставке «XX лет РККА» участвует **много молодых советских художников.** Среди них — А. Меркулов, работающий над серией картин, отображающих **Северную военную флотилию:** Г. Нисский — **«Черноморский флот»,** А. Бубнов — **«На границе»** и др.

Советские скульпторы также покажут на выставке «XX лет РККА» ряд своих работ, посвященных Красной Армии и ее руководителям.

Скульпторы Г. Мотовилов, И. Менделевич и Мананникова выставят **проекты монументального памятника М. В. Фрунзе,** И. С. Ефимов — проект фонтана **«Купанье коня красноармейцем»,** З. Виленский — **большую фигуру С. М. Кирова,** Г. Нерода — **портрет т. В. М. Молотова.**

Комитет выставки «XX лет РККА» ведет сейчас большую подготовительную работу.

Специальные жюри просматривают и отбирают эскизы к картинам и готовые живописные полотна, принадлежащие мастерам изобразительного искусства Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси, Еревана и многим другим.

Сборник статей о Горьком

Сборник статей А. В. Луначарского о великом художнике пролетариата А. М. Горьком выходит в Гослитиздате.

В сборник вошли 14 наиболее интересных статей, написанных в период 1905—1906 и 1927—33 годов. Они содержат всестороннюю оценку Горького как художника и публициста.

Антология советской поэзии

Заканчивается составление первого тома предпринятого Гослитиздатом издания «Антологии советской поэзии». В антологию включены поэты всех народов СССР. Ее об'ем — около 60 печатных листов.

В составлении антологии участвуют поэты И. Уткин, Сурков и Гатов под общей редакцией В. Казина.

Сборник «Мужество»

Издательство «Молодая гвардия» выпускает большой сборник о мастерах советского парашютизма — «Мужество».

В нем рассказывается о выдающихся парашютистах-рекордсменах, о первых прыжках молодых парашютистов, о том, как парашютизм становится в нашей стране настоящей школой мужества для молодого поколения.

Наряду с очерками мастеров парашютного дела и писателя Ивана Рахилло читатель найдет в сборнике рассказы молодых советских парашютистов — Татьяны Остроградской, Ал. Шабунина и др., а также записки отважной, героически погибшей парашютистки Любы Берлин.

Сборник выходит вторым, дополненным изданием. В него включено 8 новых очерков, показывающих последние достижения советских парашютистов.

Разоблачение Микитенко

КИЕВ. **(Наш корр.).** Понадобилось решение партгруппы ССП, чтобы правление ССПУ наконец поставило вопрос о Микитенко на своем расширенном заседании совместно с активом. Ни для кого не было неожиданностью то, что говорилось о Микитенко в Москве, здесь знали о нем гораздо больше, но одни не решались первыми выступить против «всемогущего» Микитенко, а другие молчали, ибо долгое время шли, так или иначе, с ним в ногу. Из краткой информации Кириленко собравшиеся узнали, что не случайно этот Микитенко — близкий друг и приятель Авербаха, Киршона и проч. бандитско-шпионской мерзости проводил в украинской литературе троцкистскую линию, не случайна его связь с украинскими националистами. Он оказался сыном кулака, он приютил и скрыл своего брата — политического бандита, участника кулацких восстаний. Он посадил этого бандита, скрывшегося под фамилией Дубового, в редакцию журнала, которым он, Микитенко, руководил. Все это он скрыл от партии и литературной общественности и сознался только тогда, когда был приперт к стене на собрании партгруппы ССПУ.— Это был чуждый партии человек, — говорит Кириленко, — он брал нахрапом, арапством. Не легко нам, в частности мне, говорить об этом, ибо много лет с ним работали, имели сигналы, видели его ошибки, но нехватало мужества поставить о нем вопрос. Мы должны, особенно члены правления, сделать из этого соответствующие выводы.

В своих выступлениях члены правления (актив молчал) опять — в который раз — говорили о своей доверчивости, слепоте, клеймили Микитенко, говорили, что только сейчас узнали о кулацком происхождении Микитенко, удивлялись (Головко), почему только теперь правление занялось расследованием социального происхождения Микитенко. — Это в то время, — говорит писательница Левитина, — что еще 9 месяцев назад я сигнализировала, что отец его кулак, а брат бандит.

Резолюция правления: «Микитенко И. К. за сокрытие от партии и общественности своего социального происхождения и поддержку и укрывательство брата — политического бандита, за связь с раскрытыми врагами народа националистами Любченко и Хвылей и троцкистами Авербахом, Киршоном и Коваленко, и за то, что в своей деятельности проводил троцкистскую и националистическую линию в литературе, вывести из состава секретариата, президиума и правления ССПУ, снять с должности ответственного редактора журнала «Радянська «Лiтература» и руководителя драмсекции». Вчера же вечером состоялось собрание парторганизации союза, по тем же мотивам исключившее Микитенко из партии. **(Передано по телефону 4 октября).**

Книжная хроника

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» ВЫПУСКАЕТ:

Сборник произведений Б. Лавренева, приуроченный к 25-летнему юбилею его литературной деятельности (1912—1937 гг.). В сборник вошли следующие произведения: «Ветер», «Рассказ о простой вещи», «Сорок первый», «Седьмой спутник», «Срочный фрахт», «Разлом» и др. Книга отпечатана на прекрасной бумаге; изящно оформлен переплет работы художника А. Радищева. Цена 11 р. 25 к. Тираж 10.000 экз.

«Добердо» — роман М. Залка об империалистской войне 1914—1918 гг. Главное действующее лицо романа — офицер австро-венгерско-итальянского фронта, прошедший путь от добросовестного заблуждения, от «патриотизма» до осознания необходимости превращения империалистской войны в гражданскую. Цена 6 р. Тираж 10.000 экз.

«Друзья» — повесть Н. Тихонова и Аронштама, рисующая картину героической борьбы за утверждение власти советов на Кавказе. Главные герои повести — бедняк-осетин Бетта, бедняк ингуш Мусса, кузнец Умар и казак Назарка. Под влиянием большевика Алексея они преодолевают раз'единявшую их национальную рознь и вырастают в сознательных борцов за дело коммунизма. Цена 2 р. 25 к. Тираж 10.000 экз.

«Стихи товарища» — Стрельченко. В книжке — стихи о дружбе, о героической молодежи, строящей новую жизнь, переживающей большую человеческую радость бытия. Цена 2 р. Тираж 3.000 экз.

Совещание молодых поэтов

Редакция «Литературной газеты» и секретариат ССП созывают совещание молодых поэтов.

Повестка дня:

1) Моральный облик молодого советского писателя,

2) Творческое соревнование поэтов к 20-летию Великой социалистической революции и к выборам в Верховный Совет СССР.

В совещании примут участие тт. В. Ставский, Вс. Иванов, М. Голодный, Дж. Алтаузен и др.

Приглашаются: тт. Накоряков (Гослитиздат), Сурков («Литературная учеба»), Н. Асеев («Октябрь»), Щипачев («Советский писатель»), Юровская («Молодая гвардия»), Сидорин (Литературный институт).

На совещание приглашаются поэты: Алигер М., Васильев С., Долматовский Е., Гольдберг А., Железнов П., Коваленков А., Коган А., Кедрин Д., Кейгауз А., Лебедев Б., Матусовский М., Михалков С., Ойслендер А., Островой С., Ошанин Л., Панченко П., Попова В., Семынин, Стрельченко В., Симонов К., Смирнов С.

Совещание состоится 8 октября в 5 часов вечера в помещении союза писателей (конференц-зал).

Вечер поэзии

Завтра в большой аудитории Политехнического музея состоится вечер поэзии, на котором Н. Асеев и С. Кирсанов прочтут новые поэмы.

Н. Асеев будет читать только что оконченную им новую часть поэмы «Маяковский начинается».

С. Кирсанов прочтет новую свою вещь «Твоя поэма», напечатанную в журнале «Знамя».

Чтению поэтических произведений будет предшествовать вступительное слово Н. Асеева, которое он назвал «Дискуссия о безвкусии».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Нас много, товарищ Ставский!

В апреле прошлого года на строительстве автозавода имени Сталина (Москва) было организовано литературное об'единение. Местная многотиражка «Строим ЗИС» взяла на себя инициативу и собрала своих читателей, пишущих стихи, рассказы, очерки.

Дело пошло. Подобрался неплохой коллектив активных читателей, был об'явлен конкурс на лучшее литературное произведение. Кружковцы — в большинстве молодые строители — активно принялись за работу. Раз в десятидневку происходили творческие семинары. Коллективно прочитывались и обсуждались стихи, рассказы и очерки, написанные членами литературного об'единения. За сравнительно короткий срок, апрель—декабрь, многотиражка выпустила пять литературных страниц, в них было помещено 18 стихотворений, два очерка и три рассказа. Темы этих произведений были самые разнообразные, авторами же были: плотник И. Зуев, машинист экскаватора И. Пеньков и рабочие Б. Ривкина и П. Андреев.

После этого оживления литературная жизнь на строительстве почти замерла. Об'яснялось это тем, что многие молодые авторы раз'ехались (на учебу, в Красную Армию, на Дальний Восток по призыву В. Хетагуровой).

Сейчас литературное об'единение организовано почти заново. Печатавшихся прежде авторов в нем только три. Однако за сравнительно короткий срок выпущено две литературных полосы; одна из них сатирическая. Третья литературная страница (о Шота Руставели) готовится к печати.

Нельзя не сказать о росте отдельных кружковцев. И. Куприянов пришел в литературное об'единение с очень слабыми технически стихами. После того как коллектив разобрал все недочеты его творчества, Куприянов стал упорно работать над собой и значительно вырос. Сейчас, хотя он и находится в Красной Армии, но связь с кружком не теряет. Пишет письма, присылает стихи, некоторые из них напечатаны. Заметно большое движение вперед. Машинист И. Пеньков опубликовал в последней литературной странице стихотворение «Во дворе», в котором описываются мечты советских детей о своем будущем.

Много работает над стихами работник механизации т. Березкин. В первых принесенных им в литературное об'единение стихах кружковцы увидели склонность к ничем не оправданным формальным фокусам. Не раз обсуждалось творчество этого автора. Сейчас Березкин критически пересмотрел многие из своих утверждений и значительно изменился. Прежнего увлечения формой ради формы почти нет, стихи выходят значительно крепче и доходчивее. О значительном росте автора говорит и тот факт, что стихи его скоро появятся на страницах одного из больших журналов.

Не менее интересна и работа молодых, еще не печатавшихся авторов, пришедших в литературное об'единение в этом году. Бывший колхозник, а сейчас табельщик на стройке Иван Латышев явился с огромной тетрадью, в которой были записаны две главы начатого романа. Автор сам чистосердечно признался, что пишет он эту вещь без всякого плана, «как выйдет». Конечно, ему, не имеющему опыта, предложили сначала написать маленькую вещь. Он написал рассказ на колхозную тему «Старик». После детального коллективного разбора на семинаре автор значительно переделал отдельные места, и рассказ появился в литературной странице.

Сейчас т. Латышев пишет второй рассказ. Тема — дружба. Первые наброски уже обсуждались на семинаре и признаны не совсем удачными. Автор полностью согласился с критикой и сейчас упорно работает. Из двух стихотворений, написанных начинающим поэтом т. Быковым на любимую им оборонную тему, литературное об'единение одобрило для напечатания одно.

Несколько слов о выступлениях на семинарах. Занятия проходят очень оживленно, каждый из присутствующих участвует в разборе и обсуждении. Говорят люди, почти не имеющие никакой специальной литературной выучки, но говорят всегда интересно. Их высказывания — мнение колоссально выросшего советского читателя.

Теперь о самом главном. У меня спросят, для чего я все это написал? Я хочу, чтобы эту статью прочитали руководители союза советских писателей и писатели. Наш кружок — не один. Таких творческих семинаров, литературных об'единений, кружков и групп по одной Москве можно насчитать сотни. А сколько их в провинции? Большинство людей, составляющих эти кружки, упорно работает над собой. Среди них можно найти немало способных и талантливых. Самым скверным является то, что почти все кружки ниоткуда не получают помощи. Люди варятся в собственном соку. Отсутствие квалифицированной помощи писателей задерживает творческий рост молодежи.

С чувством удовлетворения читал я появившиеся недавно в «Комсомольской правде» две статьи писателей Всеволода Иванова и Виктора Гусева. В этих статьях по-настоящему крепко говорится о том, что давно пора перестать снисходительно, со скидкой, оценивать произведения молодого писателя. Критиковать молодых надо жестко — против этого ни один автор (если он не халтурщик) возражать не станет. Однако нельзя при этом забывать, что дело не в одной критике, молодого литератора надо также и учить.

Я хочу, чтобы, прочтя эту статью, многие квалифицированные писатели задали себе прямой вопрос: «а что я сделал для молодых, кого я учу, кому передаю мастерство?» Я нарочно так подробно остановился на описании нашего литературного об'единения, чтобы показать, как полнокровно протекает жизнь его. И, повторяю, таких кружков много. Некоторые писатели, спустившись со своих пьедесталов, смогли бы найти в кружках много ценного.

И. ФЕДОРОВ

Уполномоч. Главлита В—29620.

Типография газ. «Индустрия». Москва. Цветной бульвар. 30.